

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена осадному искусству и технике Ближнего и Среднего Востока и Западной Европы с древнейших времен до конца XV в. Осадная техника на Руси и в странах Дальнего Востока уже рассматривалась автором в других работах [60, 61].

Западные исследования по осадному искусству* построены на описании всех осад, приводимых в источниках, и либо вообще не касаются, либо касаются лишь вскользь конструкции осадных машин. Я решил не утомлять читателя и искусственно не расширять книгу собственным изложением всех осад, описанных античными и средневековыми авторами. Поэтому в главе «История осадного искусства» ставится задача лишь проследить основные моменты эволюции осадных методов и техники, а описания отдельных осад (весьма короткие) приводятся здесь только в подтверждение моих слов. Большинство авторов источников писали настолько живым языком, что, по-моему, нет ничего хуже, чем пытаться переложить их на свой лад. Если читатель захочет прочитать описание какой-либо осады, лучше это сделать в первоисточнике, чем в пересказе; помимо прочего, меньше вероятность, что закрадется ошибка.

Глава «Осадная техника» посвящена исключительно конструкции различных осадных машин и методам борьбы с ними. Здесь же приводятся реконструкции осадной техники на основании почерпнутых из источников описаний или различного изобразительного материала. В главе «Методы осады и обороны» рассказывается поэтапно о действиях осаждающих и осаждаемых, а также перечисляются различные хитрости, связанные с осадами. Описанная здесь «правильная» планомерная осада представляет собой, конечно, идеализированную схему, и в реальности осады по такому плану протекали редко. Поэтому последняя глава («Знаменитые осады») содержит описание самых известных и интересных с точки зрения военного искусства осад. Читатель узнает, как на самом деле протекали осады, как происходило развитие осадного искусства и какие методы противопоставлялись той или иной осадной технике. В этой главе я по возможности постарался привести прямое изложение используемых источников. Делалось это по двум причинам. Первая, уже упоминавшаяся выше, заключается в том, что я не хотел заниматься пересказом и коверкать язык автора источника. Вторая причина состоит в том, что эти описания служат подтверждением моих выводов, изложенных в других местах книги, и, таким образом, я практически избежал повторных и многократных цитирований. Моими словами изложены в этой главе лишь источники, авторы которых писали столь витиевато, что современному читателю их крайне трудно воспринимать, а также источники, не доступные на русском языке.

Автор хотел бы выразить искреннюю благодарность Наталье Олеговне Зарощинской, Марине Федоровне Носовой и Ирине Александровне Носовой за неоценимую помощь в подготовке материалов, а также Михаилу Викторовичу Горелику за любезно предоставленные материалы и ценные советы.

Наиболее значительные из них [68] и [82].

Глава I

ИСТОРИЯ ОСАДНОГО ИСКУССТВА

История осадного искусства самым тесным образом связана с историей фортификации. Когда появились первые укрепления, стало развиваться и искусство осады. Чтобы полностью покорить завоеванную территорию, требовалось захватить все крепости и замки. Вильгельму I Завоевателю столь легко удалось захватить Англию, выиграв, по существу, лишь одну битву при Гастингсе, только из-за того, что в Англии отсутствовала развитая система замков. Укрепленные города и замки, как правило, находились на крупных реках или перекрестках дорог. Поэтому миновать их армия вторжения могла, лишь совершив значительный крюк, что затягивало кампанию и вообще ставило ее успех под сомнение, так как гарнизон крепости или замка мог предпринять неожиданную вылазку и перерезать линии коммуникаций. Осады происходили во много раз чаще, чем генеральные сражения. Конечно, полевые или морские сражения приносили полководцам больше славы, но они были и значительно опаснее, так как в них можно было разом потерять всю армию. Поэтому осторожные полководцы с неохотой вступали в открытый бой, решаясь на это только в случае очевидного превосходства сил. Ричард I Львиное

Сердце в течение своего десятилетнего царствования был постоянно занят осадной войной и при этом участвовал не более чем в двух-трех крупных битвах, а Готфрид V Анжуйский покорил Нормандию между 1135 и 1145 гг. вообще без битв.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

САМЫЕ ранние сведения об осадном искусстве в Древнем Египте дают нам изображения осад крепостей на стенах гробниц. Рисунок на стене гробницы Инти в Дешашэ демонстрирует уровень осадного искусства в Древнем царстве (XXVIII—XXIII вв. до н.э.). На нем изображен штурм египетскими войсками вражеской (вероятно, азиатской) крепости (рис. 1). На рисунке много сцен рукопашного боя с применением боевых топоров и кинжалов. Обращают на себя внимание и некоторые азиатские воины, буквально утыканные стрелами. Это доказывает, что продвижение штурмовой группы уже в то время прикрывали массированным огнем отряды египетских лучников.

Внизу рисунка можно видеть нескольких воинов, которые пробивают то ли стену, то ли ворота при помощи ломов. Это не должно вызывать удивление, так как стены из песчаника или необожженного кирпича были недостаточно прочными и легко разрушались даже такими примитивными орудиями. Сцены с проламыванием стен ломами или топорами встречаются и на более поздних египетских изображениях, что свидетельствует об активном применении такой осадной тактики.

На рисунке также просматривается штурмовая лестница, которую воин приставляет к стене. Это самое древнее осадное приспособление появилось, очевидно, одновременно с возведением крепостных стен и уже широко использовалось во времена Древнего царства. Особенно интересна штурмовая лестница с рисунка на стене гробницы Каемхесита в Саккаре (Мемфис, 6-я династия, XXV—XXIII вв. до н.э.). Здесь лестница изображена на деревянных дисковых колесах. Этот факт очень любопытен, так как в то время в Египте еще не была известна колесница и

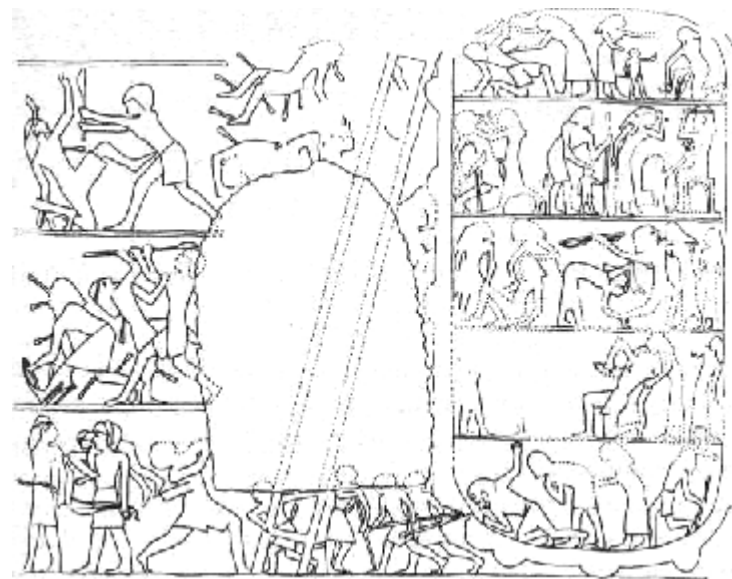

Рис. 1. Осада египтянами азиатской крепости. По изображению на стене гробницы Инти в Дешашэ. Древнее царство, 5-я династия (XXVI—XXV вв. до н.э.)

применение колеса было явно техническим нововведением, заимствованным у азиатских племен.

Об осадном искусстве в Древнем Египте во времена Среднего царства (XXI—XVIII вв. до н.э.) мы располагаем значительно более полной информацией. В это время происходит взлет военного искусства в Египте. Активно развивается и искусство осады. Все чаще встречаются сцены с изображением осадной войны, которые по-прежнему остаются главным источником информации по осадному искусству того периода.

Наиболее интересные сведения об осадной технике египтян во времена Среднего царства дают три изображения осад крепостей — два из гробниц в Бенихассане (рис. 2 и 3) и одно из гробницы Интефа в Фивах (рис. 4). Все рисунки имеют много общего, что свидетельствует об однообразии осадной техники в целом. На всех изображениях можно видеть, как лучники осыпают осажденных

Рис. 2. Штурм крепости. По изображению на стене гробницы Аменемхета в Бенихассане. Среднее царство, 12-я династия (XX—XVIII вв. до н.э.)

градом стрел. Им на помощь движутся отряды воинов, вооруженных копьями, секирами, бумерангами и щитами. Осажденные отвечают стрельбой из луков и, вероятно, метанием камней.

Самым интересным элементом на рисунках из гробниц в Бенихассане является изображение воинов, скрытых в защитном навесе и вооруженных длинным шестом. Эти рисунки считаются первыми свидетельствами применения таранов. Шест, вероятно заканчивавшийся острым металлическим наконечником, использовался для разламывания верхней части стены или поражения защитников крепости.

Рисунок из гробницы Интефа в Фивах является, очевидно, первым свидетельством применения мобильной

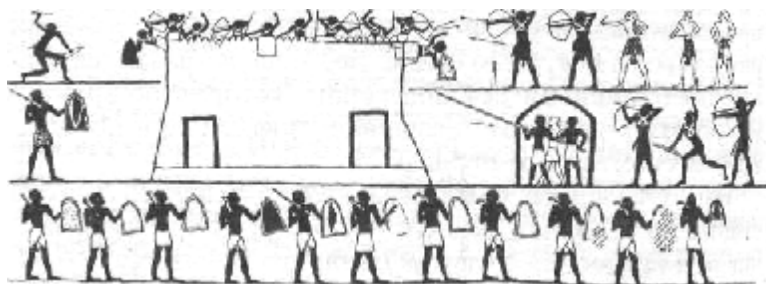

Рис. 3. Штурм крепости. По изображению на стене гробницы Хети в Бенихассане. Среднее царство, 11-я династия (XXI в. до н.э.)

Рис. 4. Осада крепости с использованием мобильной осадной башни. По изображению на стене гробницы Интефа в Фивах. Среднее царство, 11-я династия (XXI в. до н.э.)

осадной башни. Хотя конструкция башни еще очень примитивна и напоминает несколько скрепленных между собой лестниц, по которым и взбираются атакующие, она уже снабжена колесами и мостиком для перехода на стену.

Основным осадным оружием египтян во времена Древнего и Среднего царств были лук, праща, топоры и шесты-ломы. Метательное оружие (лук и праща) использовались как осажденными, так и осаждающими. Из осадных приспособлений в Древнем царстве, очевидно, применяли только штурмовые лестницы. Во времена Среднего царства помимо штурмовых лестниц начинают применять простейшие тараны и осадные башни. Атака стен крепости штурмовым отрядом в Египте всегда велась под прикрытием отрядов лучников, осыпавших осажденных градом стрел и подавлявших оборону.

Во времена Нового царства (XVI—XI вв. до н.э.) тараны, очевидно, выходят из употребления. Так, на барельефах воинственного царя Рамсеса II (XIII в. до н.э.) нет ни единого изображения тарана — солдаты атакуют стены при помощи штурмовых лестниц и разрушают ворота боевыми топорами. В 1468 г. до н.э. Тутмосу III потребовалось семь месяцев для того, чтобы захватить город Мериддо. Эти факты говорят о том, что фортификационные сооружения к тому времени стали значительно мощнее и успешно противостояли слабым египетским таранам.

ДРЕВНЯЯ ИУДЕЯ

ДРЕВНИЕ евреи не изобрели новой осадной техники и, по крайней мере до X в., даже не использовали осадных приспособлений, изобретенных другими. Зато они были большими мастерами на различные хитрости и уловки.

Основным источником сведений о развитии военного дела древних евреев служит Библия. В ней содержится значительно больше описаний сражений, чем в любом другом ближневосточном письменном документе.

Когда евреи вторглись в Ханаан (так называлась в то время территория Палестины, Сирии и Финикии), они оказались в сложном положении. Большинство городов было хорошо укреплено, а евреи были совершенно неопытны в осадном искусстве.

Переправившись через реку Иордан, евреи под предводительством Иисуса Навина оказались перед сильно укрепленным городом Иерихоном. Миновать его они не могли, так как этот город стоял на пути их дальнейшего продвижения, и к тому же он контролировал запасы воды, необходимые для военных операций в Ханаане. Между тем Иерихон имел сильные укрепления, и взять его приступом без применения осадных приспособлений не представлялось возможным. Тогда евреи пошли на хитрость. Первым делом Иисус Навин послал двух юношей, чтобы, выражаясь современным языком, провести рекогносцировку местности. Они пробрались в дом блудницы Раав, которая в обмен на свое спасение после захвата города евреями согласилась способствовать им и даже укрыла их от преследователей [Библия, Нав. 2:1—15]. Дом Раав, подобно большинству трактиров и постоялых дворов в древних городах, примыкал к городской стене. Таким образом, он сам по себе занимал важное стратегическое положение.

Согласно Библии, осада Иерихона длилась семь дней и происходила следующим образом. Каждый день в течение шести дней процессия евреев обходила вокруг Иерихона. В центре шествия располагался ковчег; впереди него шли семь священников, которые трубили в семь труб; впереди священников шли вооруженные люди (вероятно,

отборный отряд воинов), а остальные следовали за ковчегом и тоже трубили в трубы. Всем было запрещено подавать голос до тех пор, пока Иисус не скажет «Воскликните!». В седьмой день евреи обошли вокруг города семь раз, после чего Иисус сказал «Воскликните!», и «народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый со своей стороны, и взяли город. И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» [Библия, Нав. 6:5—20].

Какие только теории не выдвигались для объяснения феномена «Иерихоновых труб», начиная с такой маловероятной версии, что стены не выдержали вибрации от ритмичного марша и звуковой волны от тысяч кричащих людей и трубящих труб. Более правдоподобным представляется, что ежедневные марши евреев усыпили бдительность защитников Иерихона и сделали возможным неожиданную атаку. Возможно также, что под непрерывные звуки труб, отвлекавшие защитников, евреи сделали подкоп, в результате чего стена и рухнула.

К сожалению, археологи обнаружили очень мало следов библейского Иерихона, который должен датироваться XIII веком до н.э. Этот факт приводит некоторых исследователей к заключению, что такой осады вообще не было. Другие же считают, что остатки разрушенных стен могли быть просто вымыты водами.

Не менее интересна и осада другого ханаанейского города — Ая (Гая). Согласно Библии, город защищало лишь небольшое число воинов, что воодушевило евреев, и напрасно — хорошо укрепленный город в принципе могло защищать совсем малое число воинов, но только при условии правильной обороны. Жители же Ая были настолько уверены в своих силах, что при приближении евреев вышли им навстречу и даже сумели нанести им существенный урон в бою [Библия, Нав. 7:2—5]. Тогда евреи пошли на хитрость. Они спрятали ночью отборный отряд воинов позади города, а утром основная армия евреев опять вышла к главным воротам Ая. Еще более уверившиеся в сво-

их силах жители города вышли им навстречу, причем, как уверяет Библия, все до одного. Евреи не приняли боя и обратились в притворное бегство. Когда же преследовавшие их защитники отошли достаточно далеко от города, спрятавшийся в засаде отряд без боя проник в город и захватил его. После этого защитники были зажаты в тиски между основной армией и отрядом воинов, занявших город, и потерпели полное поражение [Библия, Нав. 8:3—22].

Взятие города Ая показывает, что Иисус Навин был умелым полководцем, раз решился пойти на такой сложный маневр, как притворное бегство и неожиданная контратака. И тем не менее он не умел или не решался проводить правильную и планомерную осаду. Возможно, это было связано с недостаточной подготовленностью армии, которая в то время состояла из народного ополчения: люди участвовали в коротких кампаниях, а потом возвращались домой, к своим полям или в мастерские. Ополчение было недостаточно обученным и малодисциплинированным. Дезертирство было обычным явлением. Отсталость евреев в осадном искусстве немало мешала им и в дальнейшем. Многие города ханаанеев евреи взяли так и не смогли, а те, что им удавалось взять, брались с помощью хитрости или предательства.

Только с образованием централизованного государства при царе Давиде (X в. до н.э.) армии евреев оказались в состоянии проводить более планомерные осады. В первую очередь это было связано с развитием профессиональной армии и использованием наемников. Народное ополчение также существовало, но его привлекали лишь в крайнем случае.

Впервые крупные осадные работы евреи провели при осаде города Авеле-Беф-Мааха [7; 2 Цар. 20:15]. Под руководством Иоава, полководца Давида, израильтяне построили насыпь против стены. Библия свидетельствует, что они также пытались разрушить стену, хотя вряд ли применяли для этого тараны, так как даже при преемнике Давида, Соломоне, укрепления строили недостаточно прочными, чтобы те выдерживали удары таранов. Если бы уже в то время евреи были знакомы с таранами, подобными тем, которые использовали ассирийцы два сто-

летия спустя, они вряд ли продолжали бы строить такие стены. Также маловероятно, чтобы речь шла о подкопе. Более правдоподобной кажется версия о том, что иудеи использовали кирки и топоры для разрушения стены. Как бы то ни было, это первое свидетельство непосредственного бреширования евреями крепостной стены.

АССИРИЯ

ДАЛЬНЕЙШИЙ прогресс осадного искусства связан с возвышением одного из государств Месопотамии — Ассирии. Начиная с правления Тиглатпаласара I (1115—1076 гг. до н.э.) Ассирия становится самым мощным в военном отношении государством на Ближнем Востоке. Эту позицию Ассирия удерживала на протяжении пяти веков — с конца XII по конец VII в. до н.э.

Но еще до этого, во времена правления Шамши-Адада I (1813—1781 гг. до н.э.), Ассирия, вернее, тогда еще город-государство Ашшур, испытала кратковременный взлет, достигнув могущества, не уступавшего Вавилонии. Сыновья Шамши-Адада I не смогли сохранить независимость государства и в 1757 г. до н.э. признали власть Вавилонии. Но для нас самое важное то, что от правления одного из этих сыновей, Ишме-Дагана I (1797—1757 гг. до н.э.), сохранились документы с описаниями осадных методов того времени. Эти документы, датируемые XVIII в. до н.э., были найдены в городе Мари, в верхнем течении Евфрата, и являются первыми письменными источниками по применению таранов, осадных башен, подкопов и земляных насыпей.

В одном из этих документов говорится о применении осадных башен и таранов: «...я повернул и осадил [город] Хурау. Я направил против него осадные башни и тараны, и на седьмой день я захватил его. Будьте довольны!» Второй документ сообщает об успешном применении подкопа: «Как только я подошел к городу Кирхадат, я установил осадные башни. С помощью подкопа я вызвал обвал стен. На восьмой день я захватил город Кирхадат. Радуйтесь» [82, с. 17]. Еще в одном месте упоминается

о строительстве земляной насыпи: «Город Нилиммар, который Ишме-Даган осаждал, Ишме-Даган теперь взял. До тех пор пока осадные насыпи не достигли верха городской стены, он не мог захватить город. Как только осадные насыпи достигли верха городской стены, он получил власть над городом» [82, с. 18].

Эти методы осады Ишме-Даган I скорее всего узнал от своего отца, Шамши-Адада I, который провел некоторое время в Вавилоне и мог там изучить осадное искусство вавилонян. Но так как не сохранилось никаких изображений осад в Месопотамии того времени, применение описываемой осадной техники не вполне ясно. Например, не понятно, подкоп вели под землей или же стены разрушали непосредственно у основания с помощью кирок и других орудий. Последнее более вероятно с учетом частого строительства стен из кирпича-сырца и применения подобной техники еще египтянами, в то время как проведение подземного подкопа требует огромных знаний и опыта.

Не ясно и применение осадных башен. Судя по описанию, в данном случае башни использовались не для штурма стен с помощью перекидного мостика, а, скорее, для создания огневого прикрытия, облегчавшего действие саперов.

Значительно больше сведений об осадном искусстве ассирийцев сохранилось от IX—VII вв. до н.э. К этому времени относятся многие дошедшие до нас барельефы с изображением осад и осадной техники. Ассирийская империя в это время была на вершине своего могущества. Наиболее искусны ассирийцы были в военном деле и в первую очередь в искусстве осад, которое стало ключевым в их завоевательных походах и управлении империей. Предполагают, что многие осадные сооружения были заимствованы ими у шумеров, но ассирийцы, подобно римлянам, превосходили изобретателей техники в организации ее применения.

Ассирийские тараны IX в., судя по барельефам Ашшурнасирапала II (883—859 гг. до н.э.), представляли собой массивные сооружения на шести колесах (рис. 5). В передней части располагалась высокая башенка с бойницами для лучников. Таран, очевидно, был слишком тяжелым и обладал малой подвижностью. Поэтому уже при Сал-

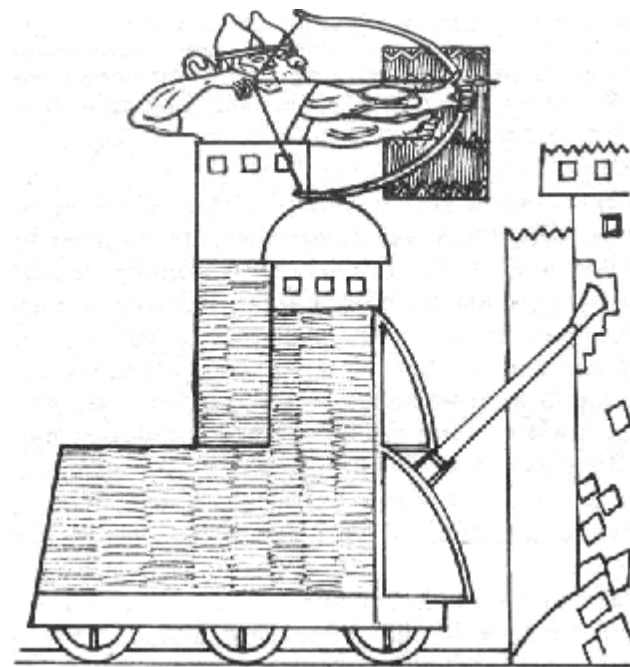

Рис. 5. Таран на шести колесах времен Ашшурнасирапала II, IX в. до н.э.

манасаре III (858—824 гг. до н.э.) таран облегчили и поставили только на четыре колеса. Судя по изображению на Воротах Салманасара III (рис. 6), существовала модель вообще без тарана-шеста, в виде повозки с заостренным носом, напоминающим голову быка. Повозку, вероятно, нагружали камнями или землей и, разгоняя, направляли в стену или ворота. Позади повозки находились лучники, прикрывавшие своим огнем действия тарана. Несколько лучников можно видеть и в самой повозке. Однако такая конструкция тарана была явно слабее маятникового типа с шестом и поэтому быстро вышла из употребления — в дальнейшем изображения таких таранов уже не встречаются.

Саргон II (Шаррумкен II, 722—705 гг. до н.э.) увеличил разрушительный эффект таранов, первым расположив

Рис. 6. Снимок изображения ассирийского тарана на четырех колесах на Воротах Салманасара III, IX в. до н.э.

их группами по несколько штук против одного участка стены (рис. 7). При царе Синахерибе (Синаххе-Эрибе, 705—681 гг. до н.э.) появились разборные тараны, состоявшие из нескольких частей. Это позволило легко перевозить осадную технику в обозе и быстро собирать ее на месте. В это же время была увеличена длина шеста, что усилило мощность таранов.

Ассирийцы использовали таран двумя способами. Первый заключался в том, чтобы подвести таран к воротам как к наиболее слабому месту в обороне. Чтобы противодействовать этому, ворота стали защищать фланкирующими башнями, значительно усложнив для атакующих подобное применение тарана. Второй, более сложный способ заключался в постройке земляной насыпи, которая позволяла подвести таран непосредственно к стене, причем к верхней части стены, которая обычно была тоньше и слабее основания. Для этого насыпи старались делать как можно более пологими, чтобы облегчить продвижение тарана к стене (раскопки на месте иудейского

города Лахиша, взятого ассирийцами штурмом, показали, что насыпь имела уклон около 30° и становилась все более пологой по направлению к вершине). Возможно, именно с распространением второго способа применения таранов последние стали делать более легкими.

Защитники боролись с таранами при помощи цепей, которые набрасывали на головную часть бревна, чтобы затем подтягивать ее вверх. В ответ ассирийцы создали специальные отряды воинов, которые захватывали цепи железными крючьями и повисали на них всем весом своего тела.

Огромную опасность для осадной техники представлял огонь, ведь даже земляные насыпи имели деревянный каркас, который легко можно было сжечь. Для защиты таранов от огня ассирийцы покрывали их сверху мокрыми шкурами, однако и это не всегда помогало. Так, на одном барельефе можно видеть, как команда в расположенной впереди башенке поливает таран водой из длинных труб (рис. 8), а на другом барельефе (рис. 9) изображен таран, который воин тушит, поливая его водой при помощи длинной ложки.

Судя по барельефам, ассирийский штурмовой отряд, который взбирался по лестницам на стены, состоял как из копейщиков, так и из лучников. Воины этого отряда не носили длинных доспехов, столь обычных для ассирийцев. Такой доспех стеснял движения ног и не позволил бы быстро взбираться по лестнице. Поэтому их укороченная одежда доходила лишь до колен.

Рис. 7. Применение ассирийцами группы таранов против одного участка стены. С барельефа времен Саргона II, VIII в. до н.э.

Рис. 8. Осада города ассирийцами. Снимок барельефа на Балаватских воротах Салманасара III, IX в. до н.э.

Осажденные захватили таран цепями и пытаются подтянуть его вверх, а ассирийские воины стараются противодействовать этому. Вероятно, осажденные также подожгли таран, так как воины в башенке лют сверху воду

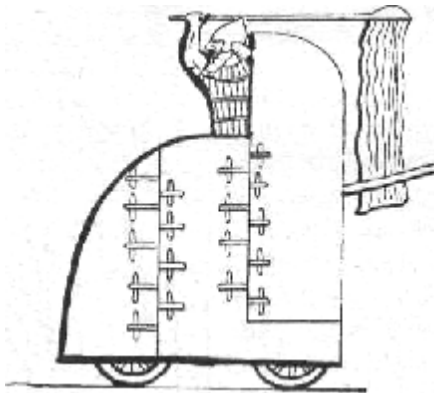

Рис. 9. Разборный ассирийский таран с длинным шестом. Время правления царя Синахериба, VII в. до н.э.

Воин в башенке тушит пожар, поливая таран водой при помощи длинной ложки

Рис. 10. Штурм крепости ассирийцами, VIII в. до н.э.

Эти штурмовые отряды, без сомнения, были отлично обученными элитными войсками. Если внимательно приглядеться к барельефам (рис. 12), то можно видеть, что копейщики, взбираясь по лестницам, держат свое оружие

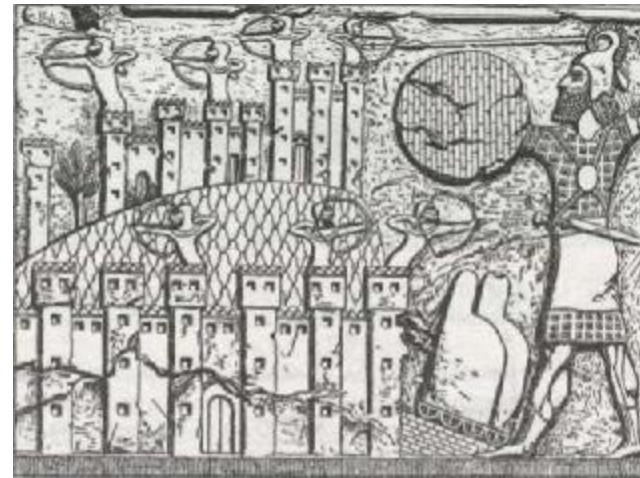

Рис. 11. Осада города ассирийцами. Барельеф времени правления Тиглатпаласара III, VIII в. до н.э. Хорошо видна атака укреплений сразу несколькими таранами

в руках (в правой руке копье, а в левой щит), лучники же умудряются даже стрелять из лука прямо с лестницы. Другими словами, воины штурмовых ассирийских отрядов взбирались по лестницам без помощи рук!

Однако даже хорошо подготовленный штурмовой отряд вряд ли смог бы выполнить свою задачу без «группы прикрытия». Роль последней играли лучники, укрывшиеся за большими стационарными осадными щитами (рис. 13). Главной задачей лучников было прогнать защитников с верха стены, тем самым сведя к минимуму обстрел штурмовой группы. Щиты были несколько выше человеческого роста и вверху обычно немного загибались внутрь для обеспечения лучшей защиты. Щиты для лучников пе-

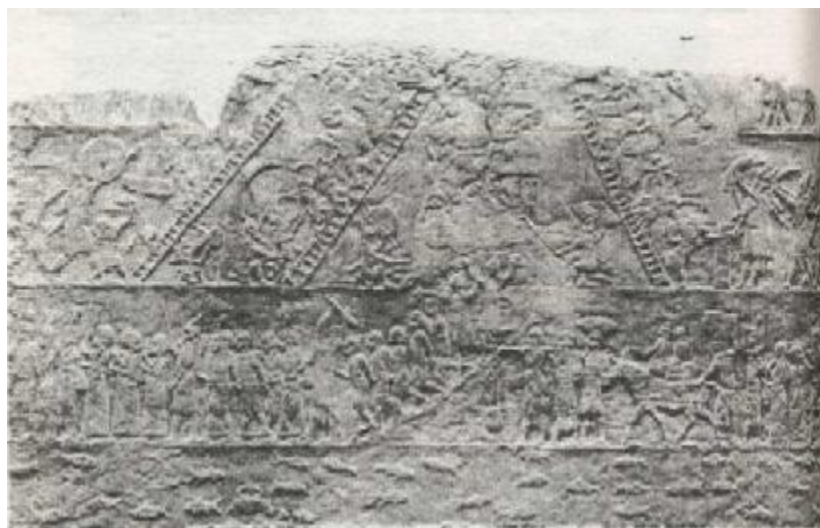

Рис. 12. Штурм египетского города. Снимок фрагмента ассирийского барельефа из дворца Ашшурбанипала в Ниневии, около 645 г. до н.э.

Хорошо видны штурмовые отряды копейщиков и лучников, взбирающихся по лестницам под прикрытием огня лучников, расположившихся за большими стационарными щитами. В центре барельефа можно видеть ассирийского солдата, производящего подкоп. Внизу слева изображены пленные солдаты, вероятно, иностранные наемники, которых ассирийцы обратили в рабов после захвата города. В нижнем правом углу можно видеть коренных египтян, идущих вместе со своими детьми ипожитками — обычная ассирийская практика переселения жителей захваченных городов на необжитые земли Ассирии

реносил и удерживал за ручку специальный воин.

Помимо лучников ассирийцы во время осад широко применяли пращников и боевые колесницы. Благодаря крутой параболической траектории полета камней из пращи пращники оказывались особенно эффективны против защитников, укрывшихся за парашетом стены. Немалую проблему для обороняющихся представляли и ассирийские колесницы, которые, проносясь вдоль стен, осыпали защитников градом стрел под совершенно неожиданным углом атаки и так же быстро уходили из-под обстрела*.

Рис. 13. Ассирийский лучник, укрывшийся за осадным щитом

На многих ассирийских барельефах можно видеть и саперов, работающих у основания стены. Они использовали такие орудия, как ломы, киркомотыги и буравы. Постепенно пробивая углубление в стене, они одновременно укрепляли стену деревянными подпорками, чтобы она не рухнула прямо на них. Когда углубление становилось достаточно большим и глубоким, подпорки поджигали и стена обрушивалась. Для защиты от обстрела из крепости саперы времен Ашшурнасирапала II (884—859 гг. до н.э.) носили длинный, доходивший до лодыжек, доспех и шлем с бармицей для защиты шеи и лица. Саперы при последующих правителях носили лишь короткий доспех, шлем и не-

* А. К. Нефедкин [59, с. 106—107] считает, что колесничие обычно спешили и вели стрельбу, стоя на земле. В это время их прикрывал большим щитом щитоносец. Однако в таком случае теряется все преимущество, предоставляемое колесницей, и остается непонятным, зачем подвергать опасности элитные отряды колесничих, когда для этой цели вполне можно использовать обычных лучников.

Рис. 14. Сапер, производящий подкоп под прикрытием плетеного осадного щита

большой круглый щит, которым прикрывались, держа его одной рукой, в то время как другой производили подкоп. Это едва ли служило эффективной защитой и вряд ли способствовало быстрой работе. Поэтому при Ашшурбанипале (669—630 гг. до н.э.) для защиты саперов стал использоваться большой плетеный щит (рис. 14), изгибавшийся наверху так, что сапер мог легко прислонить его к стене. При этом обе его руки оставались свободными для работы. Щиты, должно быть, были достаточно прочными, чтобы выдержать камни, сбрасываемые со стены.

По барельефам и письменным источникам известно, что ассирийские цари не раз водили свои армии в полевые сражения, выезжая вперед на колеснице. Но на всех барельефах с изображением осад цари располагаются только позади лучников, обеспечивающих огневую поддержку. При этом они всегда одеты в длинный доспех, достигающий до лодыжек, — яркое свидетельство того, что у них даже в мыслях не было возглавить штурмовой отряд. Наверняка немалую роль в этом играл вопрос престижа: одно дело возглавить элитный отряд колесниц и совсем другое — идти на штурм впереди пехоты, пусть даже отборной. Однако нельзя исключить и вероятность того, что цари считали штурм много опаснее полевого сражения и именно поэтому не принимали в нем участия.

Высокий уровень развития осадного искусства ассирийцев в VII в. до н.э. хорошо демонстрирует описание взятия египетского города Мемфиса Асархаддоном (Ашшурраххеиддином) в 671 г. до н.э.: «Я осадил Мемфис, королевскую резиденцию Тахарка, и покорил ее за полдня при помощи подкопа, бреширования и штурмовых лестниц»

[97, с. 65]. Показательна и осада иудейского города Лахиша царем Синахерибом. Об этой осаде сохранилось немало свидетельств — ассирийские барельефы, царские записи, Библия и археологические изыскания.

Город располагался на горе с крутыми склонами и имел мощные укрепления. Окружавшие город высокие стены с квадратными башнями завершались зубчатым парапетом. Кроме того, евреи установили на верху стены деревянные рамы, в которых закрепляли щиты, обеспечивавшие дополнительную защиту. Главные ворота находились близ юго-западной оконечности города, к ним вела узкая дорога. Внешние ворота были защищены двумя мощными башнями. Еще две башни защищали внутренние ворота, которые располагались под прямым углом к внешним так, что осаждающие, проникнув через внешние ворота, должны были подставить под обстрел свою правую, незащищенную сторону. Пройдя через внутренние ворота, враг попадал в огромную квадратную башню, где его атаковали с двух сторон защитники крепости. Наконец, в крепости была еще и цитадель, служившая защитникам последним убежищем.

Штурм столь мощной крепости безусловно представлял сложную задачу. Ассирийский царь Синахериб лично руководил осадными операциями. Ассирийцы разбили лагерь на возвышенности в 350 м от юго-западного угла города, вблизи от ворот. После этого они приступили к постройке двух насыпей. Большая насыпь вела к юго-западному углу основной крепостной стены, а меньшая — к северо-западному углу внешних укреплений перед главными воротами. Закончив постройку насыпей, ассирийцы подвели по ним тараны и стали брешировать стены. Почти сразу они повели также атаку таранами и огнем на ворота города. При штурме ассирийцы применяли не менее семи таранов одновременно. Ассирийские источники упоминают и о подкопе. Без сомнения, осада крепости была весьма активной. Синахериб был так горд взятием Лахиша, что заказал несколько барельефов для своего королевского дворца в память о содеянном.

Несмотря на впечатляющее разнообразие осадных методов, применяемых ассирийцами, последним не всегда удавалось взять штурмом хорошо укрепленную крепость.

Тогда они прибегали к пассивной осаде, которую могли проводить в течение длительного времени. Например, ассирийцы потратили по три года на осаду таких городов, как Арпад и Самария. К сожалению, о методах пассивной осады нам известно значительно меньше, чем о методах штурма. Известно, что Ададнерари II (911—890 гг. до н.э.) окружил осажденный им город рвом. При осаде города Хатарикка ассирийцы окружили его «стеной выше, чем стены города» и «вырыли ров глубже, чем его ров» [82, с. 54]. Эти факты вроде бы говорят в пользу Того, что ассирийцы возводили *контрваланционную линию*. Однако упоминание о стене, превосходившей по высоте городскую, предполагает, что ассирийцы не ограничивались пассивными методами и хотели получить более удобную позицию для обстрела. Не совсем ясно и назначение 4>ва, более глубокого, чем ров города. Возможно, ров в данном случае служил не только для изоляции города, но и для проведения подкопа или отведения воды из рва осажденного города. Но чаще всего ассирийцы, по-видимому, ограничивались изоляцией города с помощью колесниц и кавалерии. Осаждавшее город ассирийское войско обычно располагалось в лагере, окруженном земляным валом, с пересекавшимися под прямым углом улицами, — прототип более поздних римских лагерей.

ПЕРСИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ Персидской империи связано с именем выдающегося царя-полководца Кира (Куруша II). Захватив власть в Мидии в 559 г. до н.э., он стал правителем великой Персидской державы. И сразу же столкнулся с необходимостью осаждать мощные крепости. В 546 г. до н.э. Кир, разбив лидийское войско под предводительством Креза, осадил столицу Лидии — Сарды. Осада длилась всего две недели. Согласно Геродоту [Геродот, I, 84], город был взят благодаря некоему марду по имени Гиреад, который обнаружил неохраемый участок на стене крепости. Лидийцы считали это место неприступным, так как скала здесь круто обрывалась вниз. Однако персам, возможно при по-

мощи приставных лестниц, удалось переправить на стену большой отряд воинов, после чего город пал.

Но самым впечатляющим свидетельством возможностей персидской армии была осада Вавилона в 538 г. до н.э. Вавилон был окружен глубоким рвом и двумя рядами стен с башнями, которые считались неприступными; через город протекала река Евфрат, снабжавшая жителей водой. Кроме того, вавилоняне успели подготовиться к осаде и запаслись продовольствием на много лет. Взять город обычными методами долгое время не удавалось. Тогда Кира осенила идея, столь же невероятная, сколь и трудная — он велел отвести воды Евфрата*. Расположив один отряд своего войска в том месте, где река входит в город, а другой — в том месте, где она выходит, он с большей частью войска отошел от города. После этого он отвел с помощью канала реку в озеро, в результате чего река обмелела настолько, что персидские отряды смогли с разных концов ворваться в город. Эта атака была все же весьма рискованным мероприятием, так как стены города шли вдоль берегов реки и вавилоняне могли поймать персов в ловушку, заперев все ворота, ведущие к реке. Однако вавилоняне, вероятно, совсем не ожидая такого поворота событий, спокойно веселились по случаю праздника и заметили персов слишком поздно.

Эта осада не только демонстрирует полководческий дар Кира, но также поражает масштабом проведенного мероприятия. Лишь имея в армии большое количество рабочей силы и способных инженеров, можно было решиться на такую операцию. Вообще, ключом к успеху персов в осадной войне на протяжении всей их истории была способность организовывать крупномасштабные земляные работы. Их традиционными осадными методами были насыпи и подкопы.

Еще военачальник Кира Гарпаг, проводя кампанию против греков, широко использовал для захвата городов зем-

* Правда, некоторые историки считают, что Геродот ошибся и описанная им осада относится ко второму завоеванию города Дарием I, а Кир овладел Вавилоном без боя. Но мы будем придерживаться данных источника [Геродот, I, 191].

ляные насыпи [Геродот, I, 162]. Рассказывая об этом, Геродот не упоминает о таранах, и создается впечатление, что штурм производился прямо с насыпей, которые достигали высоты стены. Маловероятно, что это было так. Обычно насыпь подводили к стене, а затем брешировали стену таранами. О том, что персы знали и использовали осадные машины еще во времена Кира, упоминает Ксенофонт*, сообщив, что после захвата Сард Кир задержался в этом городе для постройки осадных машин, необходимых для подчинения остальной Лидийской империи.

Насыпи персы строили и позднее, например во время кампании на Кипре около 497 г. до н.э. Раскопки в городе Пафос свидетельствуют, что персы построили насыпь через окружавший город ров (рис. 15). Защитники, вероятно, провели подкоп и пытались сжечь насыпь (насыпь обычно имела деревянный каркас, а не состояла только из земли). На этой насыпи было найдено огромное количество метательных снарядов — немых свидетелей шквального огня, под которым работали персидские воины.

Но самым надежным осадным методом персы, вероятно, считали подкоп. Греки впервые познакомились с этим методом при осаде персами города Барка. И сразу же изобрели способ, как обнаружить подкоп и устранить эту угрозу:

«Персы проложили подкопы до городской стены и пытались взять город ожесточенными приступами. Однако эти подкопы одному кузнецу удалось обнаружить при помощи обитого медью щита, именно вот каким образом. Обходя со щитом стены с внутренней стороны, кузнец прикладывал его к земле. Там, где не было подкопа, представленный к земле щит не издавал звука, но там, где был подкоп, медь щита начинала звучать. Тогда баркейцы проложили встречный подкоп и перебили рывших землю персов. Так-то был обнаружен подкоп персов, а приступы баркейцы отбивали» [Геродот, IV, 200].

* Хотя «Киропедия» (VII, 4, 1) Ксенофота и считается скорее военно-историческим романом, чем достоверным изложением событий, в данном месте автору, пожалуй, можно верить.

Рис. 15. Снимок насыпи, построенной персами при осаде Пафоса. Слева можно видеть ров, окружавший город

По свидетельству Энея Тактика, этот метод обнаружения подкопов все еще использовался в IV в. до н.э., особенно ночью [Эней Тактик, XXXVII, 7]. Однако именно с помощью подкопа был захвачен персами после четырехмесячной осады город Сола (498 г. до н.э.). Подкоп привел и к падению Милета (494 г. до н.э.).

ГРЕЦИЯ

НЕСМОТРЯ на то что греки были весьма воинственным народом, осадным искусством они совершенно не владели вплоть до V в. до н.э. Во время нападения на соседнюю территорию греческие полководцы того времени в основном полагались на «стратегию опустошения». Так как осадное искусство было еще далеко от совершенства, а растягивать осады на долгое время было порой себе дороже, армию противника нужно было заставить выйти из-за стен города и принудить сразиться в открытом поле. С этой целью армия

вторжения старалась нанести максимальный урон сельскому хозяйству разоряемой страны. Вывозились или уничтожались посевы, фруктовые и оливковые деревья, иногда снималась даже черепица с крыш домов. Для достижения максимального урона вторжение часто совершали незадолго до сезона сбора урожая или в самом его начале. Чтобы предотвратить опустошение, защитники должны были выйти из города и принять бой на равнине. Тогда исход войны определяло одно сражение гоплитов. Если же они были слишком слабы и предпочитали укрываться в городах, армия вторжения полностью опустошала страну, затем приходила снова на следующий год, и так повторялось до тех пор, пока жители данной области не начинали умирать от голода и не шли на капитуляцию. Поэтому часто хватало одной только угрозы опустошения, чтобы укрывшиеся в городах жители пошли на мирные переговоры.

На юге Греции урожаи созревали раньше, чем на севере, поэтому Спарта оказывалась в особенно выгодном положении. Спартанцы успевали собрать свой урожай и затем шли опустошать государства Северной Греции.

«Стратегию опустошения» греки применяли довольно долго. Например, еще в начале IV в. до н.э. спартанский царь Агесилай на пути продвижения своей армии приказывал выкорчевывать деревья, чтобы они больше не росли. В результате акарнанцы спустились с гор на равнину, где и были разбиты Агесилаем [Полиэн, II, 1, 10].

В древнегреческих армиях не было саперов, а лучников и пращников, столь необходимых для проведения активных осадных операций, было явно недостаточно. Дело еще более осложнялось тем, что армия брала с собой продовольствия лишь на непродолжительный срок, а большое количество слуг (по одному на каждого гоплита) делало снабжение армии крайне трудным. Поэтому осады были редкими и, по ассирийским стандартам, примитивными.

Самая знаменитая из осад древнего периода — это легендарная осада Трои в XII в. до н.э. (рис. 16). По Гомеру, писавшему много позже, в VIII в. до н.э., осада длилась десять лет, и в конце концов город был взят только с помощью хитрости. В течение первых девяти лет греки даже

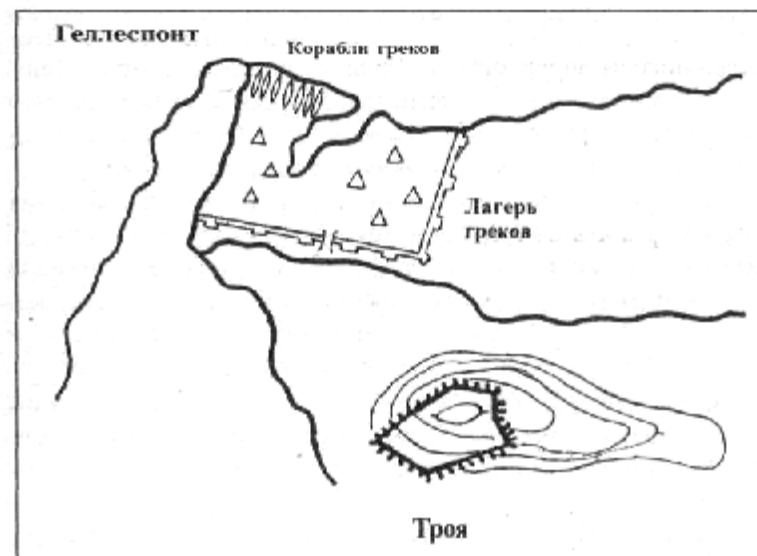

Рис. 16. Осада Трои, XII в. до н.э.

не пытались блокировать Трою, о чем свидетельствует постоянное прибытие подкреплений к осажденным. Греки не возвели ни *контрвалационной*, ни *циркумвалационной* линий и ограничились лишь выкапыванием рва и созданием земляного вала на берегу для охраны своего лагеря и вытасненных на сушу кораблей. Не только не предпринималось никаких попыток голодом вынудить троянцев сдаться, но и не было проведено ни одного штурма стен. Лишь на десятый год войны греки под предводительством Ахиллеса повели атаку на Западные ворота Трои, где Ахиллес и был убит.

В то же время осажденные вели довольно активную оборону и периодически совершали вылазки. Один раз троянцы под предводительством Гектора провели смелую атаку на лагерь осаждающих и чуть не сожгли греческий флот. Атака опять же велась в основном на ворота лагеря, и Гектор лично разбил их с помощью тяжелого камня.

В конце концов грекам удалось взять город только с помощью хитрости. По Гомеру, они соорудили огромного деревянного коня на катках. Внутри коня спрятались

отборные воины во главе с Одиссеем, царем Итаки. Греки подвезли коня к стенам Трои, затем сожгли свой лагерь и сделали вид, что уплывают. Троянцы по совету перебежчика Синона втащили коня в город и стали пировать. Ночью Sinon выпустил из коня греческих воинов, которые перебили стражу у ворот и впустили в город свое войско.

Осада Трои демонстрирует полное незнание греками осадного искусства. Правда, существует версия, что Троянский конь представлял собой таран, так как троянцам якобы пришлось выломать часть стены, чтобы втащить его внутрь. Но тогда остается непонятным, почему греки построили таран только на десятом году осады.

Любопытен и другой факт — оба штурма укреплений (Трои и лагеря греков) велись на ворота. Аналогичную тактику греки применяли и при осаде Фив, которая происходила на поколение раньше осады Трои. По легенде, каждый из семи командиров повел атаку на одни из семи ворот города. Все семеро потерпели поражения, причем шестеро были убиты. Без сомнения, искусство фортификации опережало искусство осады.

Очевидно, что подобная отсталость греков в искусстве осад наблюдалась и позднее, в период Архаики (VII—VI вв. до н.э.). Правда, в это время уже встречаются изображе-

Рис. 17. Осада греками финикийского города. Снимок фрагмента серебряной чаши, VII в. до н.э.

ния осад, в ходе которых греки штурмуют стены города при помощи приставных лестниц (рис. 17). Однако более сложная техника, столь широко применяемая в то время ассирийцами, грекам была неизвестна.

Положение начало меняться в V в. до н.э. Согласно Геродоту, во время кампании на Сицилии в 490-х гг. до н.э. тиран Гиппократ успешно провел осады Каллиполиса, Наксоса, Занклы, Леонтина и многих других «варварских» городов [Геродот, VII, 154]. О методах осады этих городов неизвестно ничего, кроме того, что в них отличился генерал Гиппократа Гелон. Сиракузы, по-видимому, оказались слишком крепким орешком и избежали участи других городов. В целом, западные греки, вероятно, были тогда более сведущи в осадном искусстве, которому они могли научиться у карфагенян, жителей финикийского города, знакомого с осадными методами Ближнего Востока.

Во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н.э.) грекам потребовалось уже полностью контролировать захватываемые ими территории. Для этого необходимо было умение осаждать города, без которого контроль территории не был бы полным. И греки начали быстро учиться.

В 475 г. до н.э. афиняне, вероятно после продолжительной осады, захватили Эион*; в 470 г. до н.э. восстал Наксос, который был захвачен после трехлетней осады, а в 440—439 гг. афиняне покорили восставший Самос, на что им потребовалось девять месяцев. Все эти города были захвачены афинянами в результате блокады, причем девятимесячная осада Самоса по тем меркам, очевидно, считалась очень короткой, так как Плутарх отмечает, что Перикл, командовавший афинскими войсками на Самосе, потом долго гордился своей быстрой победой [Плутарх, Перикл, XXVIII].

Хотя осады того времени в целом еще были пассивными, они уже не идут ни в какое сравнение с осадой Трои. При осаде Самоса афиняне блокировали город с моря и окружили его тремя стенами на суше [Фукидид, I, 116]. По свидетельству Диодора и Плутарха, афиняне исполь-

* Фукидид (1,98) не упоминает о длительной осаде, но Геродот (VII, 107) говорит, что Эион пал только после того, как в городе кончилось продовольствие.

Рис. 18. Снимок бронзового наконечника тарана, найденного в Олимпии, датируется первой половиной V в. до н.э. Обратите внимание на бараньи головы, изображенные по обеим сторонам наконечника

зовали здесь даже осадные машины (тараны и крытые навесы), «возбуждавшие тогда удивление своей новизной» [Диодор, XXII, 28; Перикл, XXVII]. Это первое известное нам письменное свидетельство применения таранов греками. Найденный в Олимпии наконечник тарана (рис. 18) датируется первой половиной V в. до н.э. и служит доказательством знакомства греков с таранами в это время.

Во второй половине V в. до н.э. афиняне, без сомнения, превосходили других греков в осадном искусстве. После битвы при Платеях (497 г. до н.э.) персы отступили в свой лагерь, имевший деревянные укрепления с башнями. Спартанцы попытались взять лагерь штурмом, но не смогли, так как «не умели осаждать крепостей». Лагерь

пал только тогда, когда подошли афиняне и проделали в стене брешь [Геродот, IX, 70].

В походе афинскую армию сопровождали каменщики и плотники с необходимыми инструментами для строительства осадных сооружений [Фукидид, IV, 44]. В постройке последних принимала участие вся афинская армия, включая и гоплитов. Исключение, возможно, составляли только личные слуги-рабы гоплитов. Они не участвовали в военных действиях, нет указаний и на их использование для осадных операций, хотя нельзя исключить вероятность их привлечения в качестве рабочей силы для постройки насыпей, стен и т.п. Кроме того, афинские гоплиты в 433 г. до н.э., а возможно и ранее, стали получать регулярное жалование — очень важное условие для успешного проведения длительных осад.

Во время второй Пелопоннесской войны (435—404 гг. до н.э.) осады, проводимые греками, стали значительно активнее. Типичным примером осады этого времени служит осада Платеи (см. главу «Знаменитые осады»). Спартанцы, осаждавшие этот союзный город, построили насыпь и пытались сначала пробить стену таранами, а потом сжечь город, но платейцы действовали столь умело, что все попытки спартанцев окончились неудачей и город пал только в результате двухгодичной блокады.

Очень любопытна изобретенная беотийцами огневая машина, с помощью которой они успешно сожгли лагерь афинян в Делии (424 г. до н.э.) [Фукидид, IV, 100]. Машина представляла собой выдолбленное внутри бревно, к одному концу которого был привешен котел с углями, смолой и серой, а на другом конце располагались меха. С помощью этого приспособления беотийцы сожгли деревянные укрепления афинян. Огонь прогнал защитников со стены, открыв дорогу для штурма беотийцам. Однако фортификации афинян в данном случае были лишь временными и представляли собой насыпь, укрепленную кольями и виноградными лозами. Вероятно, подобную машину применил вскоре после этого и спартанский полководец Брасид против Лекифа, слабо укрепленной крепости, в которой расположились афиняне [Фукидид, IV, 115]. В ответ афиняне в предполагаемом месте атаки построили деревянную башню,

с которой собирались тушить огонь водой. Однако башня не выдержала веса множества амфор, глиняных бочек с водой и камней и рухнула. Часть афинян обратилась в бегство, чем воспользовался Брасид, дав команду к штурму.

Оба города были захвачены греками непосредственным штурмом и с применением новой осадной техники, но в обоих случаях и укрепления были очень слабыми, о чем говорит сам Фукидид. Хотя Фукидид и не всегда упоминает, как город пал, но почти всегда объясняет захват города с помощью штурма либо отсутствием фортификаций, либо их слабостью или неисправностью. Похоже, что мощные крепости все еще оставались недоступными для греческого осадного искусства. Прямые атаки укреплений были еще сравнительно редкими и, как правило, неудачными. Вплоть до конца V в. до н.э. основным методом осады оставалась блокада.

Не менее пассивной была и оборона греческих городов вплоть до конца V в. Защитники укрывались за стенами крепости, полагаясь на их неприступность, и лишь оттуда обстреливали атакующих. Об этом свидетельствует и отсутствие в греческих крепостях, по крайней мере до конца V в. до н.э., потайных выходов (*потерн*), которые служили для совершения осажденными вылазок.

Положение начало кардинально меняться на рубеже V—IV вв. до н.э. в связи с событиями на Сицилии. В 409 г. до н.э. на Сицилию вторглись карфагеняне. Карфагенская армия, хорошо знакомая с ближневосточной осадной техникой, проводила очень агрессивную осадную тактику, которая была новой для греков. Так, при осаде Селинунта карфагеняне применили шесть огромных осадных башен и примерно столько же таранов, обшитых железными листами.

Именно под влиянием карфагенской осадной техники сформировались представления об осадной войне Дионисия I, ставшего тираном Сиракуз в 405 г. до н.э. Проведя всю жизнь в войнах с Карфагеном, Дионисий I стал первым греческим полководцем, широко применявшим весь ассортимент осадных методов, известных еще ближневосточным империям: активное использование различной осадной техники, привлечение наемников, широкомасш-

табную мобилизацию рабочей силы, переселение жителей захваченных городов. Кроме того, готовя Сиракузы к обороне от карфагенян, приглашенные Дионисием инженеры изобрели *гастрафет* — мощный арбалет, предшественник метательных машин. По сравнению с луком гастрафет был значительно мощнее и дальнбойнее. Вскоре гастрафет установили на подставке и снабдили воротом. Такая метательная машина получила название *оксибела*. И гастрафет, и

первый образец оксибела были стрелометами, то есть стреляли болтами*. Несколько позднее оксибел приспособили и для стрельбы небольшими каменными ядрами.

Хорошее представление об осадных методах, применявшихся Дионисием I, дает осада Мотии (398 г. до н.э.) — основной базы карфагенян на Сицилии. Город располагался на островке и соединялся с западным побережьем Сицилии узкой дамбой, которую защитники разрушили, готовясь к обороне. Каменная стена с 20 башнями окружала весь город. Стена шла прямо по берегу моря, иногда у самой воды. Только на севере и северо-востоке были относительно большие участки суши. Поэтому здесь мотийцы усилили стену, доведя ее толщину до 6 м. Главные ворота города располагались на северо-восточной части острова и вели на дамбу. Существовало еще несколько небольших выходов из города, которые, судя по археоло-

Рис. 19. Расположение карфагенского города Мотии

* Стрелы для арбалетов и метательных машин принято называть болтами или стрелами карро.

гическим данным, были заложены мотийцами во время осады. Свинцовый трубопровод шел с материка на остров. Греки перекрыли этот путь снабжения города водой, но в Мотии (рис. 19) были также цистерны с водой и колодцы, поэтому на протяжении всей осады город не испытывал нехватки воды.

Первым делом Дионисий восстановил и расширил дамбу. Дамба длиной около 1,5 км и шириной около 10 м была закончена в кратчайшие сроки. Операция такого масштаба была новой для греков и показывает способность Дионисия организовывать рабочую силу не хуже ассирийцев или персов. Правда, ассирийцы, проводя осаду крупного города, успевали захватить еще и мелкие города в окрестностях. Попытка Дионисия применить подобную тактику оказалась не очень удачной, вероятно в силу недостаточных сил, которыми он располагал.

Завершив строительство дамбы, Дионисий двинул против Мотии осадные башни и тараны. Мотийцы, будучи ограничены территорией острова, строили свои дома высокими, выше стены. Дионисий построил шестизэтажные башни, которые возвышались над крепостной стеной и достигали верха домов. Очевидно, это первый случай применения греками осадных башен. Атака велась на участок стены недалеко от ворот. Раскопки на этом месте выявили огромное количество наконечников стрел — свидетельство активной огневой поддержки. Помимо лучников Дионисий использовал недавно изобретенные гастрфеты, а возможно, и оксигелы. Эти стрелометы, вероятно, располагались в осадных башнях.

Для борьбы с осадными машинами сиракузян мотийцы установили на стенах мачты с вращающимися поперечинами. На конце поперечин находились укрытия, из которых осажденные сбрасывали на осадную технику горящие головни и паклю, пропитанную смолой. Некоторые греческие машины загорелись, но специальные пожарные команды быстро потушили огонь. Наличие подобных команд для борьбы с огнем также можно считать заслугой Дионисия. Известно, что при осаде афинянами Сиракуз в 416 г. до н.э. афиняне не смогли справиться с огнем и многие их машины сгорели.

Вскоре под прикрытием огня из башен тараны пробивали брешь в стене, но на этом осада не кончилась. Мотийцы забаррикадировались в своих домах, которые располагались так, что сами образовывали стену. Тогда греки втащили осадные башни прямо в город и по мосткам перешли с башен на крыши домов. Мотийцы сражались отчаянно, зная, на примере жестокости карфагенян по отношению к взятым греческим городам, что им не стоит рассчитывать на снисходительность осаждающих. Бой за дома длился в течение нескольких дней, и лишь внезапная ночная атака сиракузян привела к падению города.

Таким образом, Дионисия I, без сомнения, можно считать революционером в греческом осадном искусстве. Новые методы осадной войны быстро распространились в греческом мире. В это время начала меняться и оборонительная тактика греков, становясь все более агрессивной. Во время осады карфагенянами Гимеры армия осажденных греков совершила столь неожиданную для осаждающих вылазку, что карфагенские наемники в панике больше сражались друг с другом, чем с нападавшими греками.

Около середины V в. до н.э. появился первый трактат, специально посвященный осадной войне. Автором трактата, озаглавленного «О перенесении осады», считается Эней, прозванный значительно позже, в XVII в., Тактиком. Эней Тактик весьма подробно описывает организацию городского ополчения, несение караульной службы, патрулирование, борьбу с предателями, передачу тайных посланий и другие меры предосторожности, в первую очередь связанные с охраной ворот. Немалое значение автор трактата придает необходимости отобрать награбленное противником добро, пусть даже на границе, при его уходе. В целом описываемая Энеем оборонительная стратегия являет собой промежуточный вариант между старой стратегией, основанной на встрече противника на границе с целью защитить свои поля, и новой «городской» стратегией, базирующейся на отказе от сохранности полей и превращении городов в центры обороны.

Наряду с ополчением, сформированным из граждан города, Эней Тактик неоднократно упоминает союзников и наемников. Число последних особенно возросло в пе-

риод хозяйственной разрухи, вызванной в Греции Пелопоннесской войной. С точки зрения использования людей в боевых операциях автор трактата не делает различия между своими гражданами, союзниками и наемниками. Однако характерной чертой в отношении к чужеземцам является полное отсутствие доверия. Об этом свидетельствуют такие меры, как размещение отрядов союзников или наемников порознь и обеспечение численного превосходства в войске своих граждан.

Огромное значение Эней придает выявлению предателей. На это направлен целый ряд профилактических мер: удаление вождей оппозиции [Эней Тактик, X, 20], облегчение положения должников [Эней Тактик, XIV, 1], частая смена караульных на стене [Эней Тактик, XVII, 4—6], регулярная смена командиров [Эней Тактик, XXII, 7], цензура на все письма [Эней Тактик, X, 6], запрет на массовые собрания [Эней Тактик, X, 4—5], наблюдение за неблагонадежными и приезжими [Эней Тактик, X, 9—10]. С этой же целью он рекомендует и двойные пароли, то есть пароли, которые должна называть каждая из сторон, причем пароли должны сопровождаться каким-либо условным знаком (например, снятие или надевание шляпы, перехватывание копья из руки в руку и др.) [Эней Тактик, XXV, 1—4]. В трактате приводятся также некоторые способы борьбы с осадной техникой противника (*черепахами*, таранами, осадными башнями, подкопом) [Эней Тактик, XXXII—XXXVII]. В то же время Эней не ограничивается только пассивными методами обороны. Определенное место в его трактате занимают рекомендации по совершению неожиданных для противника вылазок (например, когда солдаты противника пьяны, заняты грабежом или нагружены добычей) [Эней Тактик, XVI, 5—8], а также ложных вылазок из города с тем, чтобы завязать стычку и затем завлечь часть солдат противника в город, где и уничтожить [Эней Тактик, XXXIX, 1—4]. Это подтверждает тот факт, что осадная и оборонительная тактики греков в этот период стали значительно более активными. Однако контрмерам против осадной техники в трактате отведено несравнимо меньше места, нежели описанию необходимой караульной службы, охраны ворот и мер предосторож-

ности против предателей. Количество упоминаемых автором случаев захвата городов в результате каких-либо военных действий также не идет ни в какое сравнение с числом эпизодов, где осаждающие добиваются успеха при помощи предателей. Из этого следует, что в IV в. до н.э. предательство и внезапная атака все еще оставались самыми распространенными методами захвата городов.

Последователем Дионисия I в осадном искусстве стал македонский царь Филипп II (382—336 гг. до н.э.), отец Александра Македонского. Он реорганизовал армию и превратил ее в силу, способную вести активную осадную войну. Одним из первых мероприятий, которые он осуществил, придя к власти, стало создание корпуса инженеров, в который набирались в основном фессалийские греки. Кроме того, Филипп запретил женщинам сопровождать армию в походе и уменьшил количество слуг и вьючных животных. Теперь поклажу несли сами солдаты. Это напрямую положительно сказалось как на мобильности армии, так и на ее способности проводить осады.

Филипп II не только использовал весь арсенал известных до него осадных методов, но и способствовал развитию новых типов метательных машин. Впервые армия Филиппа II испытала на себе действие метательных машин в полевой битве с Ономархом Фокидянином (354—353 гг. до н.э.). По свидетельству Полиэна, македонян заманили под огонь камнеметов, расположенных на горе, окружили и обратили в бегство [Полиэн, II, 38, 2]. Это самое раннее свидетельство применения метательной артиллерии в полевых сражениях. Примененные фокидянами камнеметы были еще неторсионными оксибелами.

Это событие произвело настолько сильное впечатление на Филиппа, что он, подобно Дионисию, пригласил к себе самых опытных мастеров со всего света. Результатом их изысканий стало создание торсионных метательных машин, использовавших энергию скрученных волокон. Эти метательные машины, стрелявшие болтами, были значительно мощнее тензионных орудий (использовавших энергию напряжения дерева, как в луке). Кроме того, зная высокую эффективность пращников при осадах, Филипп вооружил своих воинов свинцовыми шариками. Эти свин-

цовые снаряды, во множестве найденные при раскопках в Олинфе, обладали большей точностью и разрушительной силой по сравнению с каменными.

При осаде Перинфа в 340 г. до н.э. армия Филиппа II использовала тараны, осадные башни, метательные машины, штурмовые лестницы и подкоп [Диодор, XVI, 74—76]. Филипп разделил свою армию на несколько частей, и эти части штурмовали город посменно, часто меняясь. В результате в бой постоянно шли свежие войска и штурм не прекращался ни днем, ни ночью. Осадные башни, построенные Филиппом, были высотой 80 локтей (около 35,5 м), что превышало высоту не только городских стен, но и всех известных ранее осадных башен. Огнем из *катапульт* (торсионных стрелометов) и с осадных башен македонцы прогнали защитников со стен, а затем с помощью таранов и подкопа обрушили стену. Несмотря на разрушение стены, Филипп увел армию, не взяв Перинф. Немалую роль в этом сыграл расположенный неподалеку Византии. Не обладая достаточным флотом, Филипп не смог изолировать город с моря, и византийцы прислали осажденному Перинфу катапульты. Теперь защитникам было чем обороняться от осадных машин македонцев. Это, кстати, первое свидетельство применения метательных машин в обороне.

Филипп II усовершенствовал греческие осадные методы и технику, которые его сын блестяще использовал в своих походах. Александр Македонский (царств. 336—323 гг. до н.э.) провел за свою жизнь около 20 осад, беря казалось бы совершенно неприступные города.

Александр прекрасно владел всеми известными к тому времени методами осады. Если того требовали обстоятельства, македонцы окружали город *контр- и циркумвационными линиями*, однако пассивная блокада была не в духе Александра. Так, окружив индийский город Сангала двойным рядом стен, он не собирался терять время на блокаду. Город был атакован с применением осадных и метательных машин, подкопа и в конце концов взят штурмом [Арриан, V, 23, 6—V, 24, 4].

Показателен штурм Александром бактрийского города Согдийская Скала в 328 г. до н.э. Город представлял собой крепость, расположенную на горном пике, защищенном со

всех сторон крутыми склонами. Крепость казалась настолько неприступной, что бактрийский царь даже послал туда свою жену и дочь для обеспечения их безопасности. Защитники были настолько уверены в своих силах, что не только отказались выслушать условия сдачи, но и еще насмехались над Александром. Тогда Александр предложил невероятную сумму в 12 талантов тому, кто первым взберется на гору, и меньшую сумму всем, кто доберется до вершины, последний получал 300 дариков. Согласно Арриану, нашлось 300 человек, которые ранее, при предыдущих осадах, практиковались в скалолазании [Арриан, IV, 18, 4—IV, 19, 4]. Это доказывает, сколь опытны были македонцы в ведение осадной войны.

Ночью этот отряд стал взбираться на скалу, вбивая железные штыри в лед и расщелины. Задача была очень трудной, особенно учитывая, что было темно и требовалось сохранять тишину. Тридцать человек сорвались в пропасть, остальные достигли вершины. Их появление в крепости было столь неожиданным для бактрийцев и так их деморализовало, что они сразу сдались, даже не пытаясь сражаться со значительно меньшим по численности отрядом македонцев.

При осаде Газы войско Александра совершило нечто еще более невероятное. По свидетельству Арриана, Александр воздвиг насыпь вокруг всего города, причем эта гигантская осадная работа была выполнена всего за два месяца! Насыпь опоясывала город и была «шириной в 2 стадии [370 м]*, а высотой футов в 250 [75 м]» [Арриан, II, 27, 3]. Даже если Александр и привлекал для этой работы местное население, масштаб мероприятия и скорость его выполнения все же вызывают сомнения. Возможно, Александр приказал построить лишь несколько насыпей вокруг города, чтобы произвести одновременную атаку с разных сторон.

Ядро македонской армии к началу правления Александра составляла тяжелая конница и тяжелая пехота («товарищи»), а также отборный отряд гипаспистов («щитоносцев»). Отряд гипаспистов, вероятно, был сформирован еще при

* Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитируемого текста пояснения или комментарии автора настоящей книги.

Филиппе II, но упоминания о нем встречаются только со времен царствования Александра. Гипасписты были наиболее выносливыми и опытными солдатами. В сражении они занимали самое опасное место на правом фланге, а в походе и лагере охраняли царя. Александр Македонский использовал гипаспистов, как и другие отряды «товарищей», и во время осад, бросая их в самые опасные места. Такое использование отборных отрядов было нехарактерно для армий других греческих полисов, которые всегда неохотно подвергали собственных гоплитов опасностям штурма стен, предпочитая прибегать для этой цели к наемникам.

Неизменная верность и героизм этих отрядов в бою требовали, чтобы Александр лично вел их в бой. Подобная практика была абсолютно новой не только для греческого мира, но и для ассирийских и персидских империй. Личный героизм дорого обходился Александру. Он был несколько раз ранен, а при штурме цитадели Мултана получил столь серьезную рану в грудь, что чуть не погиб. Правда, он никогда не позволял себе бессмысленного бравирования. Так, цитадель Мултана успешно оборонялась до тех пор, пока Александр лично не взобрался на стену и не прыгнул внутрь цитадели. Оказавшись среди врагов всего с тремя соратниками, он был ранен стрелой. Но желание спасти своего царя столь подстегнуло македонцев, что они переправились через стену даже без штурмовых лестниц, просто вставая на плечи друг другу [Арриан, VI, 9, 1—VI, 11, 1].

Самая известная осада Александра Македонского — это осада Тира в 332 г. до н.э. (см. главу «Знаменитые осады»). Тир располагался на острове, и Александру пришлось идти тем же путем, что и Дионисию I, то есть строить дамбу. Во время осады обе стороны активно применяли торсионные метательные машины — стрелометы и камнеметы. Впервые в истории камнеметные машины использовались для разрушения стен. Они, очевидно, были изобретены незадолго до этого и впервые применены Александром при осаде Галикарнаса в 334 г. до н.э. Тирийцы обладали таким количеством катапульт, что не только расставили их по периметру всех стен города, но и погрузили часть катапульт на небольшие корабли, чтобы обстреливать македонцев, строивших насыпь.

По свидетельству Диодора, в Тире жило множество «мастеров морского дела и строителей машин», которые не только изготавливали метательные машины, но и изобрели новые устройства для обороны. Очень любопытно сооружение в виде мраморного колеса с частыми спицами. Приводимые во вращение с помощью какого-то механизма, эти колеса ломали летевшие стрелы или отбивали их в сторону, где они уже не могли причинить вреда [Диодор, XVII, 45, 3]. Подобные механизмы нигде более не применялись, что вызывает некоторое сомнение в свидетельстве Диодора.

Для защиты от камней тирийцы применяли кожаные и меховые мешки, набитые водорослями, которые гасили силу удара. Кроме того, при защите Тира мы впервые сталкиваемся с тем, что обороняющиеся сбрасывали на штурмующих раскаленный песок. Диодор говорит, что этот способ был изобретен тирийцами [Диодор, XVII, 44, 1]. Это вполне возможно, так как нигде ранее описание этого метода обороны не встречается. Позднее и смягчающие ширмы, и раскаленный песок становятся обычным оружием осажденных.

Александр Македонский соорудил дамбу, на которой разместил осадные машины — тараны и башни. Затем он овладел инициативой на море и, атакуя город с разных сторон (со стороны дамбы и с моря), взял его. Для атаки стен с моря Александр разместил на нескольких связанных между собой кораблях тараны. Это первый известный случай использования таранов для атаки с моря.

Таким образом, осадное искусство в Греции сделало огромный рывок вперед благодаря достижениям Дионисия I, Филиппа II и Александра Македонского. И тем не менее апогея своего развития оно достигло при Деметрии I (337—283 гг. до н.э.). Этот человек был столь опытен в осадном искусстве, что получил эпитет «Полиоркет», то есть «Осаждаватель городов». Самая знаменитая его осада — это осада Родоса в 305—304 гг. до н.э. При осаде Родоса Деметрий Полиоркет применил множество единиц осадной техники, которая поражает разнообразием и размерами. Захватить Родос ему так и не удалось, но надо учитывать, что это был самый мощный город Греции (см. описание осады Родоса в главе «Знаменитые осады»).

РИМ

ДРЕВНИЕ римляне были не более искушены в осадном искусстве, чем ранние греки. Пассивная блокада оставалась доминирующим средством осадной войны римлян вплоть до середины V в. до н.э. Правда, еще в середине VI в. до н.э., в царствование Сервия Туллия, в римской армии создаются две центурии инженеров [Тит Ливий, I, 43, 3]. Их основной задачей было строительство военных лагерей и осадных сооружений. Это стало началом проявления непревзойденной способности римлян к строительству инженерных сооружений.

Осадные сооружения впервые упоминаются при осаде Помеции в 502 г. до н.э. Римляне «подступили к Помеции сперва с войском, а затем с осадными навесами и другими орудиями» [Тит Ливий, II, 17, 1]. О каких орудиях здесь идет речь, не совсем понятно, но вряд ли это были тараны, скорее — разного рода осадные щиты и прикрития.

Со второй половины V в. до н.э. осадная тактика римлян становится более агрессивной. В 436 г. до н.э. римляне захватили хорошо укрепленный и снабженный всем необходимым город Фидену с помощью подкопа. Пока инженеры вели туннель, римские войска непрерывно, и ночью и днем, атаковали город, чтобы отвлечь внимание защитников. Осажденные заметили подкоп только тогда, когда римский отряд уже вошел в цитадель через туннель [Тит Ливий, IV, 22, 2—6]. Прямым штурмом с применением лестниц римляне захватили такие города, как Лабики (417 г. до н.э.) и Анксур (406 г. до н.э.) [Тит Ливий, IV, 47, 5; IV, 59, 4—6].

Однако мощные крепости с высокими стенами все еще оставались не по зубам римлянам. Подтверждением тому служит осада города Вейи, которая длилась от семи до десяти лет. Римляне впервые проводили осаду столь длительное время: «Дело в том, что римляне привыкли проводить в походе только лето, то есть сравнительно недолгое время, зимовать же — в своих пределах, а тут впервые, повинаясь приказу трибунов, оказались вынуждены построить укрепления, обнести лагерь стеной и проводить на вражеской земле и зиму и лето» [Плутарх, Камилл, 2]. Город в конце концов пал в 396 г. до н.э., причем римляне под пред-

водительством Камилла применили ту же тактику, что и при осаде Фиден: провели в город подземный ход, одновременно отвлекая осажденных штурмом с другой стороны крепости. Ливий, говоря о начале осады Вейи, упоминает также об «осадных башнях, навесах, "черепахах" и других приспособлениях для взятия городов» [Тит Ливий, V, 5, 6], однако даже если римляне и использовали эти машины, то в осаде они не сыграли никакой роли.

Через десять лет после взятия Вейи Камилл собирался завладеть городом вольсков Антием. При этом, по свидетельству Ливия, Камиллу нужны были метательные машины [Тит Ливий, VI, 9, 2]. Если это свидетельство верно, оно показывает, сколь быстро распространялось применение метательной артиллерии, ведь первые стрелометы были изобретены мастерами Дионисия на Сицилии всего примерно десятью годами ранее.

На протяжении IV в. до н.э. римляне учатся проводить планомерные осады. Под Сатриком (386 г. до н.э.) они стали «окружать город валом и осаждать по всем правилам военного искусства» [Тит Ливий, VI, 8, 9—10], но потом взяли город простым штурмом с применением лестниц. При осаде Калы в 336 г. до н.э. римляне «приготовили насыпь и осадные навесы, а к стенам придвинули башни» [Тит Ливий, VIII, 16, 8]. Однако им снова не суждено было опробовать технику, так как город был взят неожиданным штурмом.

В начале III в. до н.э. римляне изобрели знаменитую *черепаху* — построение, в котором воины прикрывались щитами не только с боков, но и сверху, над головой, в результате чего оказывались полностью защищенными от метательных снарядов. Полибий сравнивает черепаху с черепичной крышей [Полибий, XXVIII, 11, 1—2].

Впервые римляне применили черепаху при осаде Аквилонии [Тит Ливий, X, 41, 14] в 293 г. до н.э., где черепаха была направлена против ворот города, которые не успели закрыть. Вскоре римляне были уже настолько искусны в построении черепахой, что без труда могли преодолевать с ее помощью невысокие стены. Именно так в 169 г. до н.э. был взят Гераклея.

Таким образом, к началу III в. до н.э. римляне научились проводить длительные осады, возводить контр- и

циркумвационные линии и строить осадную технику. Они все еще испытывали серьезный недостаток в метательной артиллерии и полагались больше на пассивные методы, но главное, была заложена основа для того высоко развитого осадного искусства, которое послужило залогом их побед в дальнейшем.

На протяжении Первой Пунической войны (264—241 гг. до н.э.) римляне активно совершенствовали свое осадное искусство. В 262 г. до н.э. при осаде Аграганта, длившейся семь месяцев, они полагались лишь на блокаду. Полибий не упоминает ни о какой осадной технике римлян во время этой осады [Полибий, I, 17—19]. Правда, пассивные методы и отсутствие осадной техники могли быть связаны с неприступностью крепости: рельеф местности сильно затруднял применение осадных машин. Однако карфагеняне, осаждая Аграгант в 406 г. до н.э., были более активными: они применяли осадные башни и насыпи.

Всего через несколько лет после падения Аграганта римляне уже шире использовали осадную технику. В 259 г. до н.э. они захватили сицилийский город Камарину, пробив стены тараном [Полибий, I, 24, 12]. По словам Диодора, римляне получили тараны из Сиракуз [Диодор, XXIII, 9, 5]. Как бы то ни было, это первое однозначное свидетельство применения римлянами осадной техники для бреширования стены.

К 250 г. до н.э. римляне установили контроль почти над всей Сицилией и приступили к осаде одной из последних баз карфагенян — города Лилибей. Это была первая активная и планомерная осада, проведенная римлянами. Они строили и применяли насыпи, осадные башни, тараны, вели подкопы. Здесь же мы впервые слышим об использовании римлянами метательных машин, причем, очевидно, это были крупные камнеметы, так как с их помощью римлянам удалось разрушить стену. Карфагеняне отвечали не менее активными действиями: проводили контрподкопы, строили вторую стену за первой и постоянно, днем и ночью, делали вылазки с целью сжечь римскую осадную технику [Полибий, I, 42, 8—13; Диодор, XXIV, 1, 1].

К концу III в. до н.э. римляне уже хорошо освоились с классическими методами осады и широко использовали

различную осадную технику. Ярким примером осадного искусства того времени может служить осада Сиракуз в 213—211 гг. до н.э. Атаку на Сиракузы римляне вели как с моря, так и с суши. Сухопутным войском командовал Аппий Клавдий, а флотом — Марк Клавдий Марцелл. Как точно действовали сухопутные войска, мы не знаем — все авторы, описывающие эту осаду, сосредоточили свое внимание в основном на действиях Марцелла. И это вполне понятно, так как именно здесь римляне проявляли наибольшую активность и впервые применили машину для штурма стен с кораблей (*самбуку*). Несмотря на то что все атаки римлян были отбиты, винить их в этом нельзя. Штурмы были отбиты благодаря гению одного человека — Архимеда. Метательные машины, в большом числе расположенные вдоль стен, не позволяли римлянам приблизиться, а если каким-либо кораблям и удавалось подойти к стене, их захватывали огромными лапами за носы, поднимали в воздух и опрокидывали. В конце концов, римляне захватили Сиракузы только благодаря фактору внезапности и предательству (подробное описание осады Сиракуз см. в главе «Знаменитые осады»).

В конце III в. до н.э. римляне стали применять прием, столь характерный для их осадного искусства в дальнейшем, — изматывание противника. Суть метода заключалась в том, что осажденным не давали ни минуты покоя — атака следовала за атакой. Сами же римляне постоянно вводили в бой свежие силы, так как командующие делили армию на две или три части и, пока одна часть сражалась, другая отдыхала. Впервые римляне опробовали эту тактику при осаде Нового Карфагена (209 г. до н.э.) [Тит Ливий, XXVI, 45, 6], затем на испанском городе Оронгий (207 г. до н.э.) [Тит Ливий, XXVIII, 3, 5] и этолийском городе Гераклея (191 г. до н.э.) [Тит Ливий, XXXVI, 23, 5—10]. Причем в последнем случае они сначала до предела измотали защитников непрерывными атаками днем и ночью, а потом пошли на хитрость. В полночь по звуку трубы римляне стали отводить солдат, и следующие атаки начинались только утром. Этолийцы решили, что причиной перерывов стало то же изнеможение, которое охватило и их. В результате, услышав звук трубы, защитники самовольно покидали свои посты и

шли спать. Когда этот обычай стал традицией, римляне неожиданно совершили ночную атаку и легко одолели не успевших как следует подготовиться защитников.

Во время Второй Пунической войны (218—202 гг. до н.э.) начинает складываться и новый тип полководца, который командовал войсками с тыловых позиций, не проявляя необдуманного героизма. В полной мере этот тип полководца воплотится позднее в Юлии Цезаре. Сципион Африканский, герой Второй Пунической войны, занимал промежуточную ступень, сочетая личный героизм и административные навыки. Большинство гениальных полководцев до него и во время Второй Пунической войны считали необходимым лично участвовать во всех схватках, воодушевляя воинов личным примером. Александр Македонский несколько раз чуть не погиб, оказавшись отрезанным от своих войск. Ганнибал лично управлял действиями тарана и получил серьезное ранение в бедро под стенами Сагунта. Сципион, если того требовали обстоятельства, тоже рисковал своей жизнью. Так, в 206 г. до н.э. при осаде Илитургиса он, видя, что солдаты теряют мужество, сам подошел к стене и собрался первым подняться по штурмовой лестнице. Солдаты, испугавшись за своего полководца, возобновили атаку и захватили город [Тит Ливий, XXVIII, 19, 16]. В то же время Сципион уже понимал, что главная задача полководца — руководить сражением, находясь в безопасности. Гибель полководца обычно приводила к паническому бегству войска, поэтому полководец должен был находиться в тылу. И Ливий, и Полибий не раз упрекают полководцев за их слишком необдуманный и рискованный героизм. По-видимому, идеальными для того времени можно считать действия Сципиона Африканского под Новым Карфагеном, когда он одновременно и воодушевлял воинов, и следил за всем происходящим.

Осады всегда считались самыми опасными и трудными из военных операций. Недаром Сципион, готовясь к походу в Африку, устроил легионам смотр и выбрал только старых слугак, в основном тех, кто участвовал в осаде Сиракуз и, таким образом, имел опыт в осадном деле [Тит Ливий, XXIX, 1, 12—13]. Но даже опытный воин не будет охотно лезть на стену, подвергаясь множеству опасностей, если у

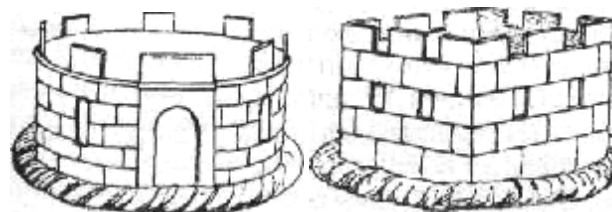

Рис. 20. Наградные венки: корона муралис {слева} и корона валларис {справа}

него не будет стимула. Поэтому солдатам, идущим на штурм, обещали награды и долю в добыче. Награды существовали разные: похвала, повышение по службе, увеличение жалованья, денежные выплаты, знаки отличия (серебряные и золотые цепочки, фалеры и пр.). Но самой почетной наградой были венки (рис. 20): *корона муралис* (лат. *corona muralis*) для тех, кто первым взобрался на крепостную стену при осаде города, и *корона валларис* (лат. *corona vallaris*) для тех, кто первым взобрался на вал при штурме вражеского лагеря. Во времена республики венки давали за индивидуальные заслуги, невзирая на ранг, но в эпоху империи эти награды стали чисто символическими и не могли быть присуждены никому рангом ниже центуриона.

Однако награды получали единицы, а опасности подвергались все. Поэтому большинство солдат активно участвовало в осадных операциях только в надежде на добычу, то есть возможность пограбить. В 415 г. до н.э. римские солдаты даже убили своего военного трибуна, который пообещал отдать им город на разграбление, а затем не сдержал своего слова [Тит Ливий, IV, 49, 9—IV, 50, 6]. Пятью годами позже консул Гай Валерий Потита отказал в дележе добычи, захваченной в цитадели Карвента, войску, взявшему ее штурмом. Солдаты настолько обиделись, что во время овации в Риме открыто поносили его, не стесняясь в выражениях [Тит Ливий, IV, 53, 9—13].

По-видимому, стандартная римская процедура дележа добычи сложилась ко Второй Пунической войне. Военный трибун выделял из каждой манипулы людей для сбора добычи, но этим должны были заниматься не более

половины солдат, остальные несли охрану. Каждый воин перед кампанией давал присягу распределять добычу поровну. После того как все награбленное сносили в одно место, военный трибун разделял его одинаково на всех солдат, включая больных, раненых и отсутствовавших по специальным поручениям [Полибий, X, 16]. Таким образом римские власти пытались удержать армию от превращения в недисциплинированную толпу во время разграбления города. И в большинстве случаев им это удавалось.

Во время Пунических войн римляне значительно продвинулись в осадном искусстве, но даже к началу II в. до н.э. они все еще существенно отставали от эллинистических государств по количеству метательной артиллерии. Римляне не имели больших арсеналов метательной техники, столь характерных для греческих и карфагенских городов*. Большинство метательных машин римляне реквизировали из соседних городов или строили на месте. Однако оба эти метода не могли дать большой парк артиллерии.

Различие между осадными методами римлян и греков можно проследить на примере осады Орея в 200 г. до н.э. Осаду вели римляне совместно с пергамским царем Атталом. По свидетельству Ливия, «действовали они по-разному: римляне придвигали к крепости черепахи и крытые навесы, расшатывали стены таранами, Аттал же использовал баллисты, катапульты и другие устройства, способные метать дроты и огромные камни, вел подкопы» [Тит Ливий, XXXI, 46, 10]. Первыми удалось проникнуть в город римлянам, после того как их таран обрушил часть стены. Это показывает, что превосходство греков в артиллерии не давало им особенных преимуществ перед римлянами с их осадными методами.

Очень интересна осада римлянами греческого города Амбракии в 189 г. до н.э. (см. описание в главе «Знаменитые осады»). Римляне продемонстрировали здесь большое разнообразие и в то же время ограниченность своих

* Например, после взятия Нового Карфагена римляне захватили 120 очень больших катапульт, 281 катапульту меньшего размера, 23 большие и 50 меньшие баллисты, а также большое количество больших и малых скорпионов [Тит Ливий, XXVI, 47, 5—6].

осадных методов. Первым делом, по римскому обычаю, осаждающие построили несколько лагерей, а потом стали соединять их контр- и циркумвальной линиями. Затем они стали брешировать стены таранами, причем сразу в пяти местах, а также обламывать зубцы стены шестами с серпами (*воронами*). Осажденные оборонялись очень активно, постоянно совершая вылазки. Когда все штурмы были отбиты, римляне стали вести подкоп, но осажденные обнаружили его, провели контрподкоп и в завязавшейся под землей схватке перебили саперов. Несмотря на разнообразные и весьма активные действия, римляне так и не смогли взять Амбракию.

Римское осадное искусство достигло совершенства при Юлии Цезаре. Он был первым римским полководцем, который сделал артиллерию регулярной частью своей армии, хотя количество метательных машин, перевозимых в обозе, и не было очень велико. Осады, проведенные Цезарем во время Галльской войны (58—50 гг. до н.э.), демонстрируют разносторонность римских осадных методов и техники этого периода — применение подкопов, насыпей, осадных башен, *виней*, метательных машин, а также незаурядное искусство римлян в устройстве полевых осадных укреплений. Тем не менее главным секретом римского успеха можно считать терпение и завидное упрямство при проведении осад. Наиболее интересны осады двух городов — Аварики и Алезии (см. главу «Знаменитые осады»), которые, помимо римских осадных методов, демонстрируют галльские методы обороны.

Если верить Цезарю, действия римлян в Галлии отличались мягкостью. Очевидно, это было связано с тем, что Галлию считали будущей провинцией, поэтому с галлами не вели войну на уничтожение, как, например, с карфагенянами. Восставшие, укрывшиеся за городскими стенами, обычно получали помилование, если сдавались прежде, чем таран касался стены. Требования римлян при капитуляции города также были весьма скромными — выдача осажденными оружия и заложников. Более того, Цезарь даже часто выводил своих солдат на ночь из города, чтобы избежать какой-либо обиды горожанам с их стороны. Но один раз римляне заплатились за свою мягкость: аду-

атуки, сдавшись, утаили часть оружия и, когда римляне вышли на ночь из города, вероломно совершили вылазку. Последовавший у стен города бой галлы проиграли, и на следующий день Цезарь насильно ввел войска в город, а всех жителей продал в рабство [Юлий Цезарь, II, 32—33].

Во времена империи при осадах использовались те же методы, что и при Юлии Цезаре. Только теперь армия обладала еще большими возможностями для строительства осадных укреплений и техники. Октавиан Август (64 г. до н.э. — 14 г. н.э.) провел значительную реорганизацию армии. Были изучены эллинистическая и раннеримская теория и практика ведения войны и выбраны те элементы, которые наилучшим образом себя зарекомендовали. Теперь армию сопровождало большое количество рабочих, а в обозе везли все необходимые инструменты и материалы. Таким образом, любую военную машину и любые полевые укрепления можно было быстро построить в любом, самом трудном месте.

В Риме был создан большой артиллерийский арсенал, который снабжал легионы метательными машинами. На каждую центурию (100 солдат) легиона в I веке н.э. приходилась одна метательная машина. Э. Марсен [84, с. 184] считает, что этими машинами были стрелометные катапульты (в том числе *скорпионы*), а также камнеметные *баллисты*. Машины были разделены на несколько калибров и выдавались легиону в зависимости от поставленной перед ним задачи.

Римские осады I в. н.э. отличаются особо активными действиями и широким применением метательных и осадных машин. Так, армянская крепость Воланд была взята всего за третью часть дня. Как пишет Тацит в «Анналах», штурм при помощи лестниц и построения черепахой производился с четырех сторон при непрерывном обстреле «горящими головнями и копьями» из метательных машин [Тацит, XIII, 39]. Еще активнее метательные машины (стрелометы и камнеметы, всего 160 машин) использовались при осаде Иотапаты в 67 г. н.э., причем здесь они применялись не только для поражения живых целей, но и для разрушения стен (см. описание осады в главе «Знаменитые осады»).

В период поздней империи Рим все больше ориентировался на оборонительную войну. На границах были построены крепости и длинные стены, преграждавшие путь варварам. На протяжении довольно длительного времени эти меры оказывались вполне достаточными для обороны границ, так как германцы еще не обладали достаточными навыками в осадном искусстве.

Существует весьма распространенное мнение, будто во времена поздней империи римская армия, а вместе с ней и осадное искусство пришли в полный упадок и не шли ни в какое сравнение с периодом поздней республики или ранней империи. В качестве подтверждения обычно приводят описанный Аммианом Марцеллином факт: два легиона Магненция оказались совершенно бесполезны в осадной войне (не помогали при проведении работ по обороне и обслуживанию машин) и были способны только совершать «бессмысленные вылазки», храбро вступая в бой [Аммиан Марцеллин, XIX, 5, 2]. Легионы Магненция состояли из галлов, поэтому, учитывая, что все больший процент римской армии к IV в. н.э. составляли «варвары», и делают вывод, будто все меньше людей умело строить и применять осадную технику.

К IV в. н.э. обычные легионы действительно уже не имели метательных машин, и поэтому неудивительно, что простые воины могли в них не разбираться. Вместо этого были созданы специальные артиллерийские легионы. Численность таких легионов, вероятно, равнялась численности обычных пехотных легионов того времени (то есть достигала 1000 человек), и каждая армия имела в своем составе один или два артиллерийских легиона.

Что же касается общего упадка осадного искусства в тот период, то глубокое изучение Аммиана Марцеллина предоставляет множество доказательств обратного. При осаде Безабды в 360 г. н.э. римляне применяли построение черепахой, тараны, а также построили насыпь, на которой разместили баллисты для обстреливания защитников [Аммиан Марцеллин, XX, 11, 6—32]. Правда, большой таран римляне сами не строили, а доставили его из Карр, где его бросили персы. Однако, помимо этого тара-

на, римляне применяли и меньшего размера тараны, которые они, очевидно, построили на месте. Кроме того, римляне строили тараны в ходе почти всех осад, описанных Аммианом Марцеллином. Поэтому неверно предполагать, что римляне имели недостаток в специалистах для постройки осадных машин.

При осаде Аквилеи (361 г.) римляне не только пытались сделать подкоп и применяли метательные орудия, но и воздвигли осадную башню, установив ее на трех кораблях, и с ее помощью попытались штурмовать стены города с реки. Когда все штурмы были отбиты, они лишили защитников воды, перекрыв водопроводы, и даже отвели реку [Аммиан Марцеллин, XXI, 12,4—19]! При осаде Майозамальхи (363 г.) римляне использовали метательные орудия (баллисты и онагры), построение черепахой, воздвигали насыпи и делали подкоп. С помощью тарана была обрушена самая высокая и прочная башня. Когда она рухнула, римляне пошли на штурм сразу с двух сторон, а из подземного хода внутрь города вышел специальный штурмовой отряд [Аммиан Марцеллин, XXIV, 4, 2—31]. В том же году под Пирисаборой римляне применили таран и построили осадную башню. Штурм опять же вели под непрерывный огонь метательных машин (см. описание этой осады в главе «Знаменитые осады») [Аммиан Марцеллин, XXIV, 2, 9—22].

Хотя Аммиан Марцеллин обычно не говорит, какое время длились осады, скорее всего все они протекали не больше нескольких недель. Иногда же складывается впечатление, что осады длились вообще несколько дней. Таким образом, осадная техника римлян в IV в. отличалась не меньшей агрессивностью, чем во времена поздней республики или ранней империи. Не менее разнообразными были также осадные методы и техника: тараны, насыпи, подкопы, осадные башни, метательные машины и построение черепахой. Поэтому нет оснований считать, что римское осадное искусство и техника к IV в. н.э. пришли в упадок.

Весьма похожей в IV в. н.э. была и осадная техника персов. Под Амидой они применяли насыпи, осадные башни с обшитой железом фронтальной частью, на которых стояли

баллисты, и даже боевых слонов*, «рев и ужасный вид которых являются самым страшным, что может себе представить человек» [Аммиан Марцеллин, XIX, 5, 1—XIX, 8, 4] (см. описание этой осады в главе «Знаменитые осады»). Слонов, правда, легко обратили в бегство зажигательными снарядами. Еще проще и хитроумнее отбили атаку персидского слона византийцы при обороне Эдессы в 550 г. Когда слон приблизился к стене, осажденные спустили с башни привязанного на веревке поросенка. Поросянок стал неистово визжать, а приведенный в бешенство слон повернулся и пошел на своих же воинов [Прокопий Кесарийский, IV, 14, 35—37]. Умели персы и прикрываться щитами наподобие черепахи — построение, явно заимствованное ими у римлян [Аммиан Марцеллин, XX, 7, 2].

С распадом Западной Римской империи осадные методы римлян не были забыты. Все они были хорошо известны и использовались византийцами. К VI в. с римскими осадными методами и техникой хорошо освоились и германцы. Работы римских авторов (Витрувия, Вегеция) оставались популярными и продолжали переиздаваться и в средние века.

ГАЛЛЫ И ГЕРМАНЦЫ

В ОТНОШЕНИИ осадного искусства и обороны укреплений и галлы, и германцы значительно отставали от римлян. Основной их тактикой был внезапный набег на территорию соседнего племени или пограничную провинцию Римской империи и столь же поспешный отход. Длительные осады были для них нехарактерны. По свидетельству Юлия Цезаря, «у галлов и у бельгов [одно из германских племен] один и тот же способ осады городов. Они массой окружают со всех сторон городские стены и начинают штурмовать их

* Боевые слоны неоднократно использовались при осадах крепостей в Азии и на Дальнем Востоке, особенно в Индии. Чаще всего их применяли в качестве живого тарана при атаке ворот. Более подробно о применении боевых слонов в осадном деле Индии [см.: Носов К. С. Замки и крепости Индии, Китая и Японии. М., 2001].

камнями, пока не заставят защитников покинуть свои посты; затем образуют "черепаху" и пытаются поджечь ворота и подрыть стену. На этот раз это было нетрудно. Когда эта огромная масса стала бросать камни и метать копья и стрелы, то держаться на стене не было никакой возможности, и только ночь положила конец этому штурму» [Юлий Цезарь, II, 6]. Из этого эпизода видно, что галлы и германцы были способны вести подкопы и даже знали черепаху — построение, которое они, очевидно, переняли у римлян. Что касается подкопов, галлы в них всегда были очень искусны, «так как у них в разных местах много медных рудников и каменоломен» [Юлий Цезарь, III, 21]. Под «штурмом камнями» безусловно имеются в виду камни, метаемые пращей или даже вручную, но никак не метательные машины, которые галлы никогда не применяли.

Более того, вплоть до войны с Цезарем галлы даже не знали, как выглядят осадные машины и как проводится «правильная» осада. Так, при осаде Новиодуна галлы легко отбили первый штурм, который римляне провели прямо с похода. Но когда затем римляне подвели к городу *виней*, насыпали вал и стали подводить осадные башни, галлы настолько испугались, что сдались без боя. По словам Цезаря, «эти огромные сооружения, до сего времени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи» [Юлий Цезарь, II, 12].

Аналогичным образом галльское племя адуатуков, засев в одном хорошо укрепленном городе, сначала громко смеялось над римлянами, строившими осадную башню: «такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: где же руки и силы — особенно у таких маленьких людей [галлы были высоки ростом и с презрением относились к небольшому росту римлян], — с которыми они надеются доставить такую тяжелую башню к стене?». Но, когда башня стала приближаться к стене, адуатуки решили, что римляне «ведут войну с божественной помощью», и запросили мира [Юлий Цезарь, II, 30—31].

Всего через несколько лет после осады Новиодуна, когда римляне под командованием Красса осадили один из

городов Аквитании, галлы уже пытались бороться с осадной техникой: делали вылазки и проводили подкопы под насыпь и галерею из виней. Однако, заметив, что эти меры не приводят к должному результату, они незамедлительно отправили к римлянам послов с просьбой о капитуляции [Юлий Цезарь, III, 21]. Не менее активными были и действия галлов при обороне Аварика (52 г. до н.э.): наращивание стены, проведение подкопов под насыпь, частые вылазки с целью уничтожить осадные башни и насыпь (см. описание осады Аварика в главе «Знаменитые осады»).

В целом можно заключить, что к концу Галльской войны галлы уже не впадали при виде осадной техники в панический страх и даже вполне освоились с методами борьбы с ней. Однако сами проводить «правильные» осады с применением сложной техники ни галлы, ни германцы еще долгое время не умели.

Впервые галлы попытались провести осаду по римским правилам против зимнего лагеря Цицерона. Нервии окружили лагерь валом и даже построили башни, вороны и черепахи. Однако, по словам Цезаря, всему этому их научили пленные римляне. У галлов не было даже необходимых инструментов, и при строительстве земляных укреплений «они принуждены были снимать дерн мечами, а землю выгребать руками и выносить в плащах» [Юлий Цезарь, V, 42].

Вплоть до конца IV в. н.э. германцы также не умели осаждать крепости. Их излюбленной тактикой был внезапный набег, разграбление пограничных провинций Римской империи и столь же быстрый отход на свою территорию. К осаде укрепленных пунктов германцы прибегали лишь изредка, да и то осаждали только те крепости, оборонительные укрепления которых пришли в негодность или гарнизон был достаточно слаб. Но даже в этих условиях германцам редко удавалось довести осаду до конца. Так, в 356 г. алеманы внезапно напали на крепость Августодун, укрепления которой были ветхими и в крепости находился лишь небольшой отряд римских ветеранов. Однако этот небольшой отряд ветеранов сумел продержаться в течение нескольких месяцев до подхода основных сил и алеманы вынуждены были уйти ни с чем [Аммиан Марцеллин, XVI, 2, 1—2].

Аммиан Марцеллин неоднократно говорит о том, что германцы не владеют искусством осады, и считает это само собой разумеющимся [Аммиан Марцеллин, XXIX, 6, 12; XXXI, 6, 4; XXXI, 8, 1]. В 378 г., на следующий день после страшного разгрома римских войск, готы попытались взять штурмом город Адрианополь. Они не использовали никакой осадной техники и полагались на прямой штурм стен с применением лишь штурмовых лестниц. Выстрел из *онагра* каменным ядром привел готов в панику, хотя снарядом никого не задело. Готы были настолько не готовы к проведению осады, что им приходилось подбирать римские стрелы, чтобы было чем стрелять. В результате готы, понеся огромные потери, через несколько дней вынуждены были уйти, жалея, что не последовали совету своего предводителя «не воевать со стенами» [Аммиан Марцеллин, XXXI, 15, 2—15].

В V и особенно в VI в. у германцев под влиянием романо-византийской военной тактики появляются признаки правильного ведения осады с применением различной осадной техники. В этот период осады, проводимые германцами, часто становятся успешными.

Обычно вокруг осажденного города строили один или несколько укрепленных лагерей, по возможности город блокировался со всех сторон, либо, если сил было недостаточно, блокировались только наиболее опасные (в плане вылазок или доставки продовольствия извне) направления.

При осаде Рима в 537 г. готы использовали четыре тарана, осадные башни и штурмовые лестницы. Правда, похоже, германцы еще не имели достаточных навыков обращения с этой техникой. Осадную башню защитники легко остановили, перебив всех быков, приводивших ее в движение, и она так и оставалась у стен города до конца штурма. Через год безрезультатной осады готы вынуждены были снять осаду Рима [Прокопий Кесарийский, I, 24—26]. Через несколько лет, при осаде Ариминума, готы опять построили осадную башню, и, чтобы ее не постигла такая же участь, как башню под стенами Рима, они стали двигать ее не быками, а собственноручно, скрывшись внутри нее. Однако башня застряла и на этот раз, теперь из-за того, что готы неумело завалили ров и связки прутьев осели под тяжестью баш-

ни. Башня не двигалась ни вперед, ни назад, и только с большим трудом, уже к ночи, готам удалось оттащить ее обратно к себе в лагерь [Прокопий Кесарийский, II, 12, 1—25].

Согласно Прокопию Кесарийскому, готы «нали и применяли метательные машины. Например, окруженные византийцами у горы Везувий, они поставили метательные машины на высокую деревянную башню у моста и обстреливали оттуда противника. Среди прочих орудий готы использовали здесь баллисты, которые вроде бы даже сами сделали [Прокопий Кесарийский, IV, 35, 9].

Несмотря на умение строить определенные виды осадной техники, германцы еще испытывали большие трудности при осаде крепостей. Поэтому они часто разрушали укрепления захваченных городов и крепостей. Так, были разрушены стены Беневента, Неаполя, Сполеция и ряда других городов, а также треть укреплений Рима, после того как он был взят.

Сведения по оборонной Тактике германцев весьма скудны. Можно предположить, что оборона германцами городов и крепостей мало отличалась от известных еще с древности способов обороны, хотя вряд ли они использовали для этого сложные приспособления и хитрые стратегии. Если они обладали достаточными силами, то стремились выйти из крепости и встретиться с противником в открытом бою. Это считалось куда более почетным делом, чем укрываться за стенами крепости.

ВИЗАНТИЯ

ИЗВЕСТНО, что византийцы часто сами себя называли римлянами («ромеями»). Византийской империи перешло и все богатое наследство позднеримской империи, в том числе и овладение осадными методами.

Автор византийского трактата конца X в. считает, что для проведения осады необходимы следующие действия: «Должны быть произведены подкопы под землей, сооружены тараны, черепахи, упомянутые ранее петроболы*,

* Очевидно, камнеметы типа онагра.

деревянные башни и лестницы, нагромождены холмообразные земляные насыпи и подготовлены другие осадные механизмы и необходимые приспособления, о которых очень изобретательно рассказали древние в своих сочинениях, превосходно и с большой пользой описав множество подобных изобретений. По этой причине мы, избегая избытка слов и описаний, считаем нецелесообразным говорить о них в деталях» [De castrametatione, XXVII].

Этот отрывок отчетливо показывает, что византийцы применяли все известные осадные методы (подкопы, тараны, навесы-черепахи, метательные машины, осадные башни, штурмовые лестницы, земляные насыпи и галереи из виней*), а также хорошо знали сочинения и достижения древних. Подтверждение тому — рекомендуемый в этом же трактате [De castrametatione, XXVII] метод ооадной войны, направленный на изматывание противника, широко применявшийся еще римлянами: «Штурм всей стены города не следует прекращать ни ночью, ни днем, до тех пор пока осажденные, ослабленные и измученные непрерывностью и силой боевого воздействия, израненные и неспособные противостоять всем невзгодам, либо <,,> не подчинятся добровольно, <,,> либо, исчерпав все силы, не будут разбиты по законам войны»**. Кроме того, подобно древним грекам, византийцы широко применяли «стратегию опустошения». При вторжении на вражескую территорию рекомендовалось высылать вперед отдельные отряды всадников и пехотинцев, в задачу которых входило уничтожение посевов, садов, виноградников, плодоносящих деревьев и захват скота. Целью этих мер было вынудить защитников страдать от голода или покинуть крепости и дать сражение на открытом месте [De castrametatione, XXI].

Осажденный город рекомендовалось обнести контр- и циркумвалационными линиями. *Контрвалационная* (внутренняя, направленная против стен города) линия представляла собой вал, который строили на расстоянии около двух

* О галереях из виней говорит Прокопий Кесарийский (Война с готами, II, 19,6—7). .

** De castrametatione, XXVII. Об этом же говорит и Псевдо-Маврикий, автор «Стратегикона» (X, 1).

полетов стрелы от крепостных стен, чтобы ни стрелы, ни снаряды из метательных машин не достигали вала, но и не дальше, дабы осадная техника не оказалась слишком далеко от войска и ее было легко защитить в случае неожиданной вылазки со стороны осажденных. *Циркумвалационная* (наружная) линия состояла из рва и, в случае длительной осады, дополнительной стены. Против всех ворот города располагали отряды, достаточно сильные, чтобы противодействовать вылазкам осажденных [De castrametatione, XXI]. На расстоянии 2000—3000 шагов от осажденного города строили один или несколько укрепленных лагерей. Такое расстояние считалось оптимальным по двум причинам: во-первых, чтобы все находившиеся в лагере люди казались осажденным войсками, а во-вторых, чтобы в лагере не было слышно шума осады и часть армии могла спокойно отдыхать, в то время как другая часть постоянно беспокоила осажденных [Стратегикон, X, 1].

При обороне крепостей византийские авторы рекомендуют еще до подхода противника уничтожать не только вблизи крепости, но и в отдаленных селениях все съестные припасы, засеянные поля, леса и даже кровли домов, чтобы осаждающие испытывали нужду в пище и древесине и вынуждены были доставлять их издалека. Каждому же, кто искал убежища в крепости, предписывалось приносить с собой запас

Рис. 21. Применение греческого огня на море

продовольствия не меньше чем на четыре месяца. В ходе обороны крепости рекомендовалось делать частые вылазки, а армиям, расположенным вне крепости, постоянно тревожить осаждающих извне [De velitatione bellica, XXI].

Однако, помимо заимствования, византийцы внесли и некоторые существенные нововведения в осадную технику Античности. Самым крупным новшеством стал, безусловно, *греческий огонь*. Он был изобретен греческим архитектором Каллиником где-то в VII в., и уже в 673 г. с его помощью был сожжен арабский флот. Первоначально греческий огонь, называвшийся также «жидким», «морским», «живым огнем» и «огнем ромеев», применялся в морских сражениях (рис. 21). Так, он сыграл немалую роль при обороне Константинополя в 674 и 717—718 гг., когда с его помощью вновь сожгли арабский флот. Вскоре после этого он получил широкое распространение и в осадной войне на суше, где его метали либо в горшках, либо из сифонов-огнеметов. С его помощью уничтожали осадную технику, сжигали деревянные укрепления и ворота, а также применяли для непосредственного поражения врага при штурме. Примерно до XII в. греческий огонь оставался секретным оружием Византии. Затем его состав узнали мусульмане, а после Крестовых походов он начал использоваться и в Западной Европе.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

КАК ТОЛЬКО мы подходим к рассмотрению осадного искусства в средние века, то сразу же сталкиваемся с проблемой терминологии. Если античные авторы еще придерживались определенной последовательности в терминах, относящихся к военной технике, то в средневековых описаниях выявить какую-либо закономерность крайне трудно, а порой и невозможно. Во времена Античности было создано немало трактатов по военному делу, в которых подробно описана вся осадная техника. Что же касается средневековой Европы, то мы располагаем лишь художественными повествованиями о тех или иных событиях, и вплоть до позднего Средневековья не было написано ни одного трактата

по военному искусству. Проблема еще больше осложняется тем, что авторы средневековых источников были обычно монахами, то есть людьми, далекими от военного дела и совершенно не разбиравшимися в военной технике. В разных местах одна и та же машина могла называться по-разному. Случалась и обратная ситуация, когда название, переходило от одной машины к другой. В результате сохранилось огромное количество названий, которые порой крайне трудно соотнести с определенными типами машин.

Конкретные выводы о конструкции и соответствующем названии можно делать, только если сохранились изображения той или иной техники. Именно отсутствие изображений торсионных машин в период с XI по XIV в. вызвало споры об их существовании в это время, которые продолжаются до сих пор. Большинство современных западных исследователей считают, что они использовались, хотя и тут нет единогласия: одни придерживаются той точки зрения, что эти машины были аналогами позднеримских образцов (*баллисты и онагры*), другие склонны видеть в баллисте уже не торсионную, а тензионную машину (*аркбаллисту*), а Жан Лебель вообще считает, что торсионные стрелометы в средние века имели совершенно новую конструкцию, и называет их *спрингалдами* (более подробно эта дискуссия рассматривается при описании метательных машин Средневековья в главе «Осадная техника»).

Безусловно, работы античных авторов (например, Витрувия и Вегеция) были хорошо известны в средние века. Только в Национальной библиотеке в Париже сохранилось более двадцати рукописей Вегеция, датируемых XI—XII вв. Это демонстрирует значительный интерес к военному делу римлян. Поэтому неправильно считать, что в средние века об античной осадной технике забыли и все изобретали «с нуля». Правда, многие средневековые иллюстрации к работам античных авторов полны ошибок (вспомнить хотя бы онагр с «ложкой» на колесном лафете). Но в целом можно заключить, что все методы осадной войны, известные римлянам, были хорошо знакомы и средневековым полководцам.

В период раннего Средневековья (с VII по XI в.) осады городов все еще преобладали над осадами замков, коли-

чество которых было незначительным. Наиболее известная, хотя, вероятно, и не самая характерная осада периода раннего Средневековья — это осада Парижа викингами в 885—886 гг. (см. главу «Знаменитые осады»). Во время этой осады викинги использовали широкий ассортимент осадной техники и методов: тараны, метательные машины, защитные прикрытия (*мантлеты*), построение

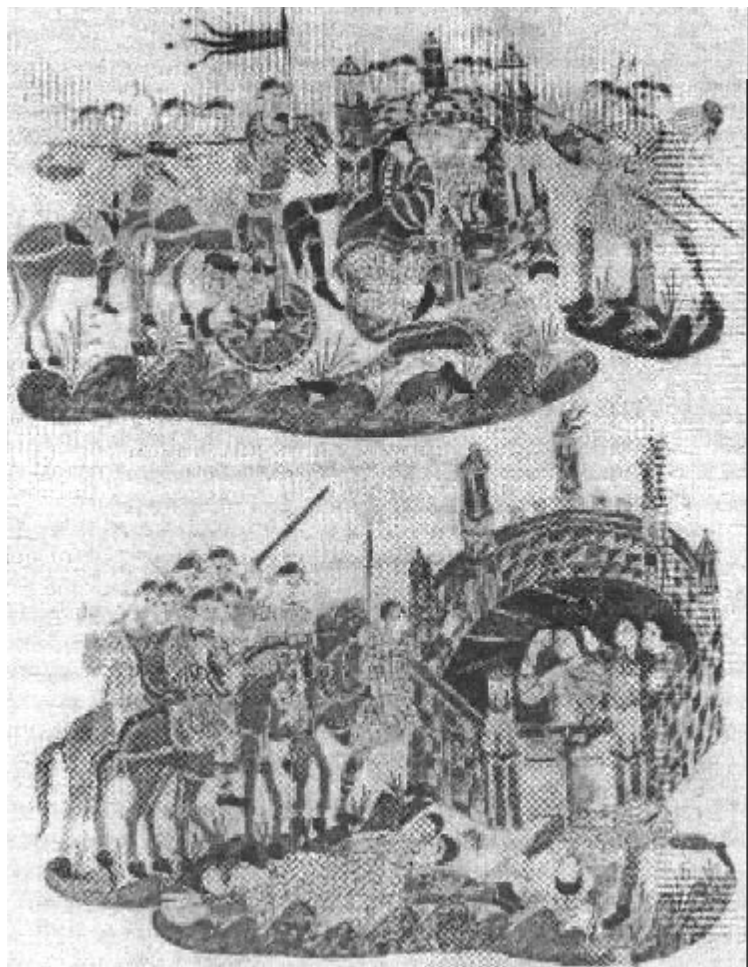

Рис. 22. Осада времен раннего Средневековья 64

Рис. 23. Крестоносцы осаждают Антиохию, 1097—1098 гг.

черепашой, разрушение основания стены кирками, зажигательные корабли (брандеры). Причем строили они большинство техники прямо на месте. Однако, несмотря на все разнообразие техники, все их атаки провалились. Они не только не смогли взять город штурмом, но и предмостную башню захватили только после того, как течением смыло мост и на башне осталось всего двенадцать защитников. Более того, на протяжении многомесячной осады викинги так и не удосужились полностью блокировать город. Защитники периодически получали провизию и подкрепления, а ведь если бы город был блокирован, осажденные, наверное, сдались бы из-за голода.

В целом хроники осад, проводимых викингами, франками и другими народами Западной Европы в это время, то есть вплоть до XI в., позволяют сделать вывод, что основными методами захвата городов были хитрость, внезапность, связанная с небрежностью охраны, или подкуп. Длительных осад старались всеми силами избегать и прибегали к ним только тогда, когда не оставалось другого выхода. И в таком случае полагались, как правило, на блокаду. Безусловно, всю осадную технику и методы, известные еще римлянам, знали и умели строить, но в тот период проводить с их помощью планомерную осаду не удавалось прак-

тически никому. Обычно все штурмы с применением осадной техники легко отбивались защитниками.

Ситуация кардинально изменилась в эпоху Крестовых походов. Армии крестоносцев познакомились с осадными методами византийцев и мусульман. Именно с Крестовыми походами связано появление в Европе греческого огня. Кроме того, здесь им пришлось осаждать действительно мощные крепости. В результате крестоносцы быстро научились проводить «правильные» осады с применением различной осадной техники.

Римское, византийское и арабское влияние на осадное искусство в период развитого Средневековья было очень значительным, однако существовали и определенные различия в возможностях проведения осадных операций. Во-первых, армии Средневековья существенно отличались от античных армий: численность была, как правило, значительно меньше. Это напрямую отразилось на осадных методах: осадные мероприятия, требовавшие большого количества рабочей силы, например создание насыпей к стенам, были невыполнимы в условиях Средневековья, когда армии в 10 тысяч человек и более встречались крайне редко.

Во-вторых, набор в армию осуществлялся на принципе феодальной зависимости, то есть по истечении около 40 дней вассалы могли покинуть своего сеньора. Содержание же наемников обходилось очень дорого. Поэтому к длительным осадам прибегали только в крайнем случае, и они были под силу только крупным армиям, так что упорно сопротивлявшийся замок имел все шансы выдержать осаду.

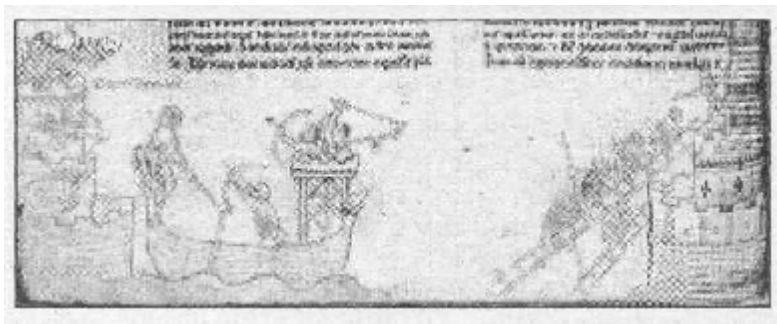

Рис. 24. Осада Дамьетты, 1219 г.

Рис. 25. Осада замка, вторая половина XIV в.

В третьих, в противоположность раннему Средневековью, в период с XII по XV в. осадам, как правило, подвергались не города, а замки (Крестовые походы в данном случае исключение). Замки обычно имели мощные укрепления небольшой протяженности и располагались в труднодоступных местах, часто в горах (еще одна причина, по которой насыпь к стенам не возводили — просто это было невозможно). Таким образом, проведение осадных работ существенно затруднялось. Конечно, и в этот период осаждали города, однако случалось это значительно реже, чем осады замков. При этом осаждающие, как правило, легко преодолевали городские стены, но встречали действительно мощный отпор при штурме цитадели (по сути, замка в городе).

В разные периоды Средневековья предпочтение отдавали разным осадным методам и технике. В период раннего

Средневековья, примерно с VII по X в., пользовались в основном тараном и подкопом (в виде разрушения стены у ее основания). Осадные башни, широко использовавшиеся еще в VI в., далее не встречаются вплоть до XI в., когда они снова становятся популярны во времена Крестовых походов. С XII по XIV в. они применялись довольно активно. Встречаются они вплоть до XVI в. — вероятно, последний раз при осаде Мальты в 1565 г. Однако если до начала XIV в. еще можно найти упоминания о перекидном мостике, по которому переходили с осадной башни на стену, то позднее осадная башня в основном служила плацдармом для стрелков или входом в подкоп. С XIV в. все реже упоминаются и тараны. А вот подземный подкоп, наряду с метательной, а позднее и огнестрельной артиллерией, с XIII в. становится излюбленным оружием осаждающих. Редко какая крепость обходится без него, и только заполненный водой ров или скалистый грунт делали его невозможным.

С XI по XV в. для блокады замка или города осаждающие возводили несколько укрепленных пунктов — *бастид* (или *бастилий*). Это могли быть небольшие укрепленные лагерь или просто деревянные либо каменные башни. Располагали их в стратегически наиболее важных местах, там, где можно было ожидать вылазки защитников или подхода неприятельской армии, обычно против ворот крепости. Иногда бастиды находились на расстоянии выстрела от крепостных сооружений, и тогда они предназначались для постоянного обстрела защитников. Для блокирования Ремаларда в 1079 г. Вильгельм Нормандский построил четыре бастиды. При осаде Жиронвилля в 1324—1325 гг. бастиды представляли собой квадратные земляные насыпи с длиной стороны 35 м, поднятые на высоту 2 м и окруженные рвом глубиной 4 м и шириной 12—20 м. Для осады Орлеана в 1428 г. англичане построили семь квадратных бастид с длиной стороны 30 м. Часто бастиды действовали самостоятельно, если осаждающие не могли полностью блокировать крепость, соединив бастиды в одну блокадную линию.

Около 1200 г. появилась новая метательная машина, известная под названием *требюше* (рис. 26). Это была барбаллистическая машина, в которой к одному концу рычага крепилась праща со снарядом, а к другому противо-

вес. Под действием силы тяжести противовес опускался, и снаряд летел в цель. До конца XII в. основными камнеметными машинами, если не считать *мангонеля*, применение которого вызывает споры, были машины *перрье*. В отличие от требюше в них использовали не противовес, а мускульную силу людей. Требюше были значительно скорострельнее перрье, хотя и уступали им в мощности. Несмотря на то что требюше могла метать камни весом до 100 кг и разрушать непрочные стены, основным предназначением машины все же было сносить зубцы парапета и деревянные галереи на стене, а не брешировать ее. Поэтому переворот в осадном искусстве требюше не совершила.

В период с 1200 по 1400 г. осадное искусство сильно уступало искусству фортификации. Каменные стены замков достаточно надежно защищали от огня и камнеметных машин, несколько линий обороны снижали эффект от разрушения подкопом, высокие стены делали прямой штурм с применением лестниц крайне трудным, заполненные водой рвы препятствовали подведению осадных башен и таранов, а фланкирующие башни приводили к значительным потерям у штурмующих.

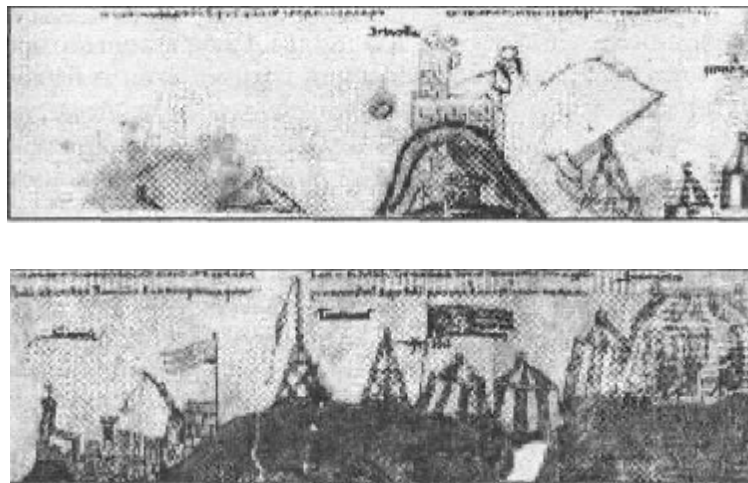

Рис. 26. Осада Савона с применением требюше, 1227 г.

В результате всех этих факторов оборонительная стратегия оказывалась, как правило, эффективнее наступательной. Соответственно, генеральных сражений в этот период наблюдалось значительно меньше, чем в предыдущий или последующий. Более слабая сторона могла укрыться за стенами замка и, таким образом, не потерпеть поражения.

Конечно, не стоит воспринимать этот вывод как догму. И в то время замок нередко брали открытой силой. Однако в большинстве случаев это было связано со слабостью укреплений или недостаточным гарнизоном. Превосходство обороны стало одним из факторов, сделавшим возможным и значительную раздробленность средневековых государств, и частые восстания вассалов против центральной власти. Только к концу XV в., когда победное завершение осады стало вопросом дней, а не месяцев, феодальная раздробленность начала сходиться на нет.

В начале XIV в. появилось оружие, которому суждено было совершить переворот в осадном искусстве. Речь идет об огнестрельном оружии и в первую очередь артиллерии. Огнестрельная артиллерия положила конец существованию средневековой осадной техники и открыла новую эру в осадной войне.

Однако поначалу огнестрельные орудия были бессильны против каменных стен и использовались только против ворот, деревянных укреплений и крыш стен и башен. Огнестрельная артиллерия находилась еще в младенчестве и не давала однозначного преимущества в осадной войне. Ее эффективность, дальность и скорострельность были еще недостаточны для того, чтобы окончательно вытеснить метательную артиллерию, и оба типа артиллерии (метательная и огнестрельная) использовались совместно. Психологический фактор от стрельбы первых огнестрельных орудий был более значимым, чем конкретные разрушения, производимые ими. Кроме того, огромные орудия часто служили просто для поддержания престижа — командующему нравилось вывести на позицию перед несдающимся городом огромное орудие.

При осаде Дортмунда в 1388 г. орудия, метавшие камни диаметром 27 см, не смогли причинить вреда стенам.

Рис. 27. Осада с применением огнестрельного орудия и зажигательных болтов, около 1400 г.

В 1409 г. 1200 снарядов, выпущенных по стенам замка Веллксон, также не дали результата. В 1347 г. замок Биуль рыцаря Гуго де Кондильяка располагал 22 огнестрельными орудиями, вероятно, небольшого калибра. Прислуги к ним полагалось по одному человеку на два орудия, из чего можно заключить, что во время боя их не перезаряжали. В обязанности стрелков входило лишь последовательно вы-

стрелить из них. Но сначала полагалось стрелять из больших стационарных арбалетов (аркбаллист), затем пускать в ход пращевые камнеметы и только в самом конце стрелять из огнестрельных орудий. Следовательно, их дальность была наименьшей. Предположение, что противника специально подпускали поближе, а затем уничтожали картечью, следует отбросить, так как картечь в то время еще не получила распространения.

Интересные сведения о вооружении, необходимом для обороны и осады замков, приводит Кристина Пизанская около 1408 г. (табл. 1) [89, с. 34—35]. Сравнивая эти данные, становится ясно, что фортификация в то время достигла значительного превосходства над осадными методами: гарнизон всего из 200 человек мог успешно сопротивляться многотысячной армии. Огнестрельные орудия уже активно применяются и той, и другой стороной, но все еще наравне с метательными машинами. Большое значение несомненно придавалось и подкопам, о чем свидетельствует значительное количество саперов (2000 человек). Внушительный список материалов и людей, необходимых осаждающим, говорит о том, что осада даже небольшого замка была под силу лишь довольно крупным военным формированиям.

Таблица 1. Необходимое вооружение для обороны и осады замков, по Кристине Пизанской, начало XV в.

Средства для обороны и осады (люди, вооружение, материалы)	Оборона	Осада
Гарнизон, чел.	200	—
Плотники, чел.	—	600
Помощники плотников, чел.	—	600
Саперы, чел.	—	2000
Арбалеты (разных типов), шт.	54	330
Луки, шт.	20	300
Спрингалды (стрелометы), шт.	2—3	—
Копья, шт.	72	—

Окончание табл. 1

Средства для обороны и осады (люди, вооружение, материалы)	Оборона	Осада
Боевые топоры, шт.	—	400
Бриколь (каменмет, гибрид требюше и перрье), шт.	2	—
Couillars (вероятно, другой тип камнемета), шт.	2	4
Engins volants (то ли камнемёт, то ли машина для штурма стен), шт.	—	4
Огнестрельные орудия, шт.	12	128
Болты и стрелы (для луков, арбалетов и стрелометов), тыс. шт.	37,2	262
Каменные снаряды, шт.	200	1000/1170*
Порох, фунт (кг)	1000—1500 (450—675)	30 000 (13 500)
Свинец для пуль, фунт (кг)	3000 (1350)	5000 (2250)
* В числителе — для камнеметов, в знаменателе — для огнестрельных орудий.		

Ситуация заметно изменилась к середине XV в. Если для начала XV в. характерны длительные осады (например, 1418 г. — Руан (рис. 28) — 5 месяцев, 1419 г. — Шербур — 6 месяцев), то к середине XV в. продолжительность осад резко сокращается (1442 г. — осада Дакса — 3 недели, 1451 г. — Бург — 6 дней). Это связано с увеличением огневой мощи осадных орудий и «устареванием» замков, стены которых не выдерживали огня таких орудий и в то же время не позволяли осажденным размещать крупные орудия (так как от сильной отдачи старые стены замков расшатывались).

К концу XV — началу XVI в. огнестрельные орудия постепенно вытеснили деревянную осадную технику, которая

Рис. 28. Осада Руана, 1418—1419 гг.

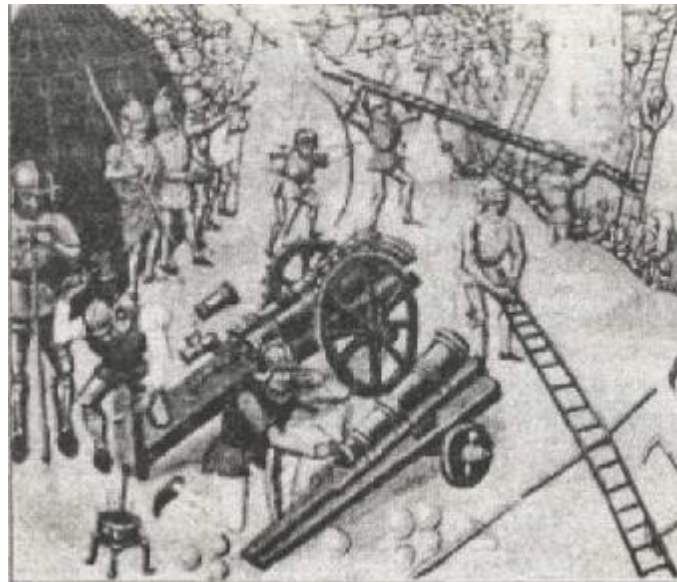

Рис. 30. Осада с применением казнозарядных орудий и штурмовых лестниц, около 1470 г.

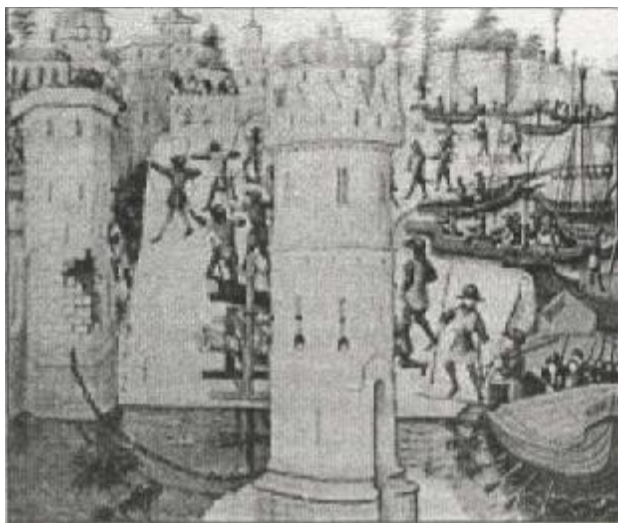

Рис. 29. Осада Дамьетты. Из французского манускрипта (около 1462 г.)

Рис. 31. Разграбление захваченного города

стрельную артиллерию наряду с осадной башней. Правда, здесь она, похоже, служила только как плацдарм для стрелков и не принимала участия в непосредственном штурме. В 1565 г. при осаде Мальты турки построили две осадные башни, которые стали придвигать к стенам. Однако защитники сразу уничтожили одну из них, произведя выстрел цепным снарядом, какой применялся в морском бою для повреждения оснастки, а вторую захватили во время вылазки и затем использовали против самих осаждающих.